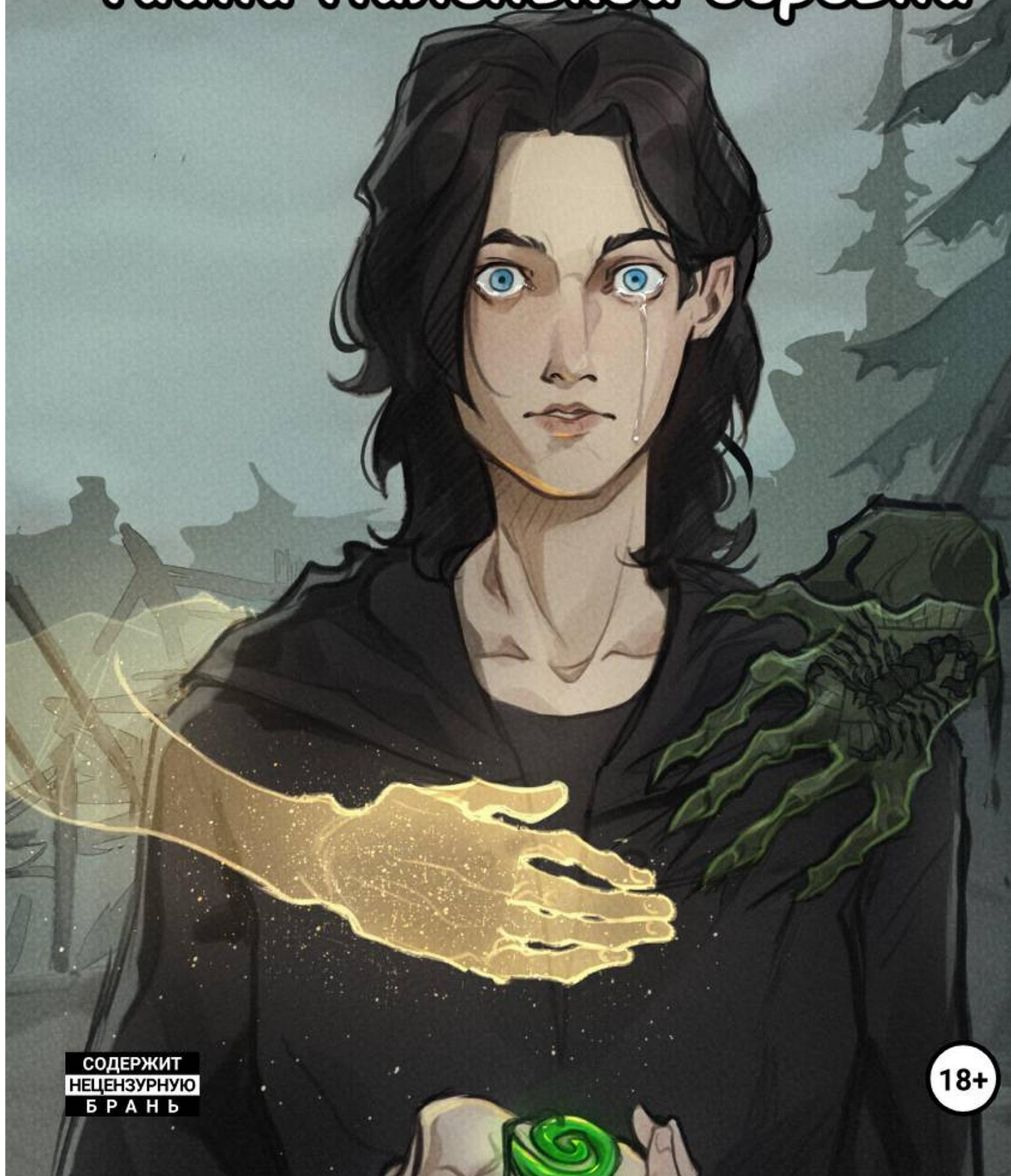

ЖНИЦА

Тайна маленькой деревни

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мэл

Жница. Тайна маленькой деревни

«Автор»

2026

Мэл

Жница. Тайна маленькой деревни / Мэл — «Автор», 2026

Далеким миром под названием Эрида мудрой рукой управляет его Создатель. После первой и последней войны людей на этой маленькой планете Он даровал избранным часть своей силы, нарек Жнецами и повелел им следить за порядком и гармонией. Так прошло пятьсот мирных лет... Пока давно скрывавшаяся в недрах Эриды угроза не показала острые ядовитые клыки. Она терпеливо ждет нужной встречи, чтобы уничтожить Эриду на корню. Встречу с молодой дотошной жницей, которая приведет с собой всех, кто может спасти этот мир. Даже своего Хозяина.

© Мэл, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Спасение	5
Глава 1. Густые Леса	9
Глава 2. Каймер	17
Глава 3. Опустошение	24
Глава 5. Столица, лежащая у подножья Замка	40

Мэл

Жница. Тайна маленькой деревни

Пролог. Спасение

Растерянная и напуганная мать металась по дому, словно загнанная в угол овечка. Бездействовать было невыносимо. Сердце заходило в истерику, стоило в памяти всплыть утреннему воспоминанию: как дочь вприпрыжку и с задором в глазах убежала к учителю, захватив свою маленькую холщовую сумку. Это было три дня назад. И с тех пор мать не сомкнула глаз. Ей было приказано ждать. Ждать, пока *они* со всем разберутся. Ждать ее девочку домой живой и невредимой, ибо ее заверили в том, что эти монстры не могли убить. Но как это возможно?! Как мать может просто сидеть на месте покуда не узнает точно, что с ее ребенком все в порядке?!.. Она пыталась вышивать шарфик дочери на зиму – напряженные пальцы сломали металлическую иглу напополам. Пыталась готовить к возвращению малышки – вспышка гнева и паники опрокинула кастрюлю с супом на пол. Пыталась спать – перед глазами вставали кошмары.

Три дня. Три долгих дня мучений, слез, неизвестности, поисков в лесу и бесконечных молитв Создателю. И вот сегодня ночью ее молитвы, казалось, были услышаны. В момент подарившая надежду казалась спасительницей, но сейчас, спустя столько часов, мать уже не была так уверена в благонадежности этой жницы. Притворяться жнецом – одно из самых отвратительных преступлений, но ведь находятся же отчаянные люди... Считающие, что их никто не вычислит. А что, если она обманула? Что если ребенка и не искали вовсе, а надежда была призрачной, лишь для того, чтобы поиздеваться и заставить всех деревенских мужчин прекратить поиски в лесу? Или она была просто ворьем... Узнала об их трагедии и прискакала сюда, словно пустынный шакал в поисках гнилой добычи! Пережатая пополам ложка с отвратительным звуком ударилась о пол. Конечно! У нее наверняка был сообщник, который проник в дом, пока безутешная мать рыдала на коленях перед этой «жницей», умоляя помочь и вернуть ее девочку домой. Скорее всего, что-то пропало... Создателя ради, что-то точно пропало! Матери ведь даже в голову не пришло за все это время проверить сохранность вещей в доме!..

— Мерá¹ Лон, здравствуйте.

Мать изваянием застыла посреди комнаты, так и не успев сделать и шага в сторону спальни. Медленно разжала деревянные пальцы и наконец отпустила собственные волосы, несколько ниточек которых так и остались лежать в ладонях. Где-то на периферии мелькнула темная мантия, а в следующее мгновение матери понадобилось все ее самообладание, чтобы не потерять сознание.

— Мама!

Девочка выскочила из-за спины жницы и моментально оказалась в объятиях матери. Мать надрывно всхлипнула и зарыдала, крепко прижимая к себе своего ребенка, и застыла так, казалось, на целую вечность. Миг, другой... Все остановилось, будто их двоих увековечили в статуе и позволили сохранить этот радостный миг навсегда. Дочь сомкнула руки у нее на плечах, смеялась без остановки, что-то бесконечно тараторила и не проронила ни одной слезинки! Как будто все это время играла с мальчишками в салки в лесу. В проеме дома все еще стояла та молодая жница с теплыми глазами и улыбалась, слушая радостные возгласы ее дочери.

¹ Лурна - монета самого крупного номинала. За одну лурну можно купить две недорогие книги или заказать очень сытный обед.

А потом... Потом спали оковы. Как будто в груди наконец раскрошился камень, что не давал матери дышать, думать и нормально двигаться. Мир снова обрел краски и звуки. Она услышала, как громко смеется дочь, как лает соседская собака, как лязгает коса жницы, пока ты пытаешься прислонить ее к стене. Она увидела эту глубину черного цвета ее мантии, о которой столько читала еще в детских сказках. Увидела, какой грязный на дочери сарафан и, кажется, даже смогла разглядеть мелкие, только зажившие царапины на плечах у ребенка.

Жница терпеливо стояла в дверях, наблюдая за счастливым воссоединением маленькой семьи. Она уже хотела тихо уйти, оставив их наедине с обретенным счастьем, но голос матери остановил ее:

— Верия², я не знаю, как вас благодарить... — Мать поднялась на дрожащих ногах и посмотрела на жницу, что уже собиралась забрать свою косу. Она утерла слезы и продолжила, стараясь сделать голос чуть более ровным: — До Ториканы путь не близкий. Прошу... Могу я пригласить вас остаться в нашем скромном доме на ночь? Это меньшее, что я могу сделать для вас. Вы ведь... Вы вернули мне дочь. Я... Я и не знала, увижу ли ее вновь...

— Это моя работа, — с улыбкой произнесла жница.

Приличия настаивали на том, чтобы она сейчас вежливо отказалась и отправилась в столицу первым же поездом. Пользоваться добротой граждан для получения личной выгоды строго запрещено Кодексом, но... Но не то что до Ториканы, до ближайшего населенного пункта с станцией было пол дня пути пешком. И это если она сможет разобраться, в какой именно части леса находится. А день был тяжелый, и больше всего на свете жнице хотелось сейчас поесть и прикрыть глаза хоть на чем-то, условно похожим на постель... Принять благодарность и подлю извлечь личную выгоду — не одно и то же, ведь правда?

— Но если вы приглашаете... — неуверенно отозвалась она, пока еще не решаясь забрать свою косу от порога.

— Я приглашаю вас от всего с-сердца, — тихо сказала мать, все еще не способная вернуть себе привычный голос.— Я сейчас же что-нибудь приготовлю! Постелим вам на печи, ночи сейчас холодные... У меня совсем нет денег, мне нечем вас отблагодарить, но не могу же я... просто вот так вас отпустить. Без всего.

— Спасибо вам, мера, вы не представляете, как выручили меня сейчас.

— Ура! Ура! — Девочка внезапно запрыгала на месте от счастья, как только услышала заветные слова: она даже не дышала несколько секунд, опасаясь спугнуть такой важный момент. — Тетя жница останется на ночь!

— Лейла, прояви уважение, — назидательно, но мягко сказала ей мать. — Верия спасла тебя, привела домой, не надо фамильярничать.

— Мам, но ты бы видела, как она их всех раскидала! Просто ворвалась в лагерь, вжух косой, и все тут же разбежались в страхе! А потом тетя меня выпустила из той клетки вместе с другими детьми, сказала нам ждать, а потом побежала искать их в лес! А потом...!

Мать не смогла сдержать улыбки и слегка виновато покосилась на жницу, чувствуя себя неловко. Ужас отпустил, эйфория прошла, и она как будто резко вспомнила, кто именно перед ней сейчас стоит. Принимать у себя жнеца вообще редко кому приходилось, и мать не знала точно, как посланница Создателя отнесется к этому детскому лепету. Но она зря волновалась. Жница тихо смеялась, прикрыв рот рукой, с удовольствием наблюдая за восторгом маленькой девочки, которая, наверное, даже не поняла, от какой участи была спасена. Вероятно, через месяц маленькая Лейла даже не вспомнит об этом инциденте. Оно и к лучшему.

² Лурна - монета самого крупного номинала. За одну лурну можно купить две недорогие книги или заказать очень сытный обед.

Лейла крепко уснула уже через час после возвращения домой, а ее мать, как и обещала, накормила свою гостью горячим супом. Жница изо всех сил старалась соблюдать приличия и не потерять лицо, но голод все же своего немного отнял. К счастью, становиться бесстыдницей и просить добавки не потребовалось — мать и так поставила перед ней еще одну тарелку. Молча, без предложений и просьб.

— Я не могу вам всего объяснить, но... мы выслеживали их больше месяца точно, — рассказывала жница после того, как благодарная мать усадила ее пить чай с конфетами. — Это опасные люди, мера. Они оказались в вашей деревне, потому что жнецы перекрыли им пути отхода по всем крупным дорогам. Единственный способ сбежать — забраться в глушь. Какова была вероятность, что они наткнутся на единственный населенный пункт на много километров вокруг? Я должна была просто их преследовать и докладывать о передвижениях группы, но когда они нашли вашу деревню и забрали с полдюжины детей... Не вмешаться было бы преступлением.

— Они торговали детьми, да? — мрачно спросила мать, впрочем, понимая, что это уже та информация, которую жница не могла разглашать.

Но говорить не потребовалось. Взгляд жницы был красноречивее любых слов. Матери показалось, что за теплотой её карих глаз все еще скрывается та ярость, с которой она вздерживала головы этих еретиков³ на лезвии своей косы. Это пугало и восхищало одновременно. И мать не была уверена, что хочет узнать что-то еще. Ей было достаточно заверения жницы о том, что еретики сюда больше не вернутся.

— Мера, скажите, вы когда-то платили жнецу за его помощь? — неожиданно спросила жница, видимо, решив перевести тему.

— Нет, верия, да я и не встречала ни одного жнеца, кроме вас. Ну, разве что в учебниках истории, — улыбнулась мать. — А почему вы спрашиваете?

— Вы просто сегодня почти предложили мне деньги. — Жница отставила от себя пустую чашку и серьезно посмотрела на мать. — Жнец никогда не возьмет плату с человека, которому помог. Какие бы обстоятельства этому не предшествовали. Я подумала, что кто-то ранее выманивал у вас деньги, прикрываясь черной мантией...

— Нет, ничего такого! — поспешила успокоить ее мать. — Тут бродячие рынки раз в полгода бывают, не то что жнецы... Но я понимаю, о чем вы. Ваш Кодекс очень строгий, это знают даже у нас.

— Дело не только в Кодексе, — после паузы и как-то даже нехотя призналась жница, словно это было не совсем приятной темой. — Просто для жнецов есть кое-что более ценное в жизни, чем мешочек лурн⁴. Никто не захочет от этого отказаться из-за парочки монет.

Мать мысленно изумилась: на этот «мешочек лурн» можно было купить дом у них в деревне. Уж она-то от такого бы точно не отказалась, но кто знает, что там получают жнецы в награду за свою верную службу Создателю? Может, у каждой такой молоденькой жницы по три виллы рядом с Ториканой имеется...

Мать даже устыдилась немного: что за мысли? Что она вообще может понимать в таких делах? Но давно забытое, почти детское любопытство после пережитого сдерживать совсем не получалось.

— И что же это? — спросила мать почти шепотом.

Но жница лишь улыбнулась, с молчаливого позволения долив себе еще чаю.

— Не все мыслиться в деньгах, мера, — уклончиво ответила она. — Я думаю, нам стоит последовать примеру Лейлы и лечь спать. День сегодня действительно был трудный.

³ Лурна - монета самого крупного номинала. За одну лурну можно купить две недорогие книги или заказать очень сытный обед.

⁴ Лурна - монета самого крупного номинала. За одну лурну можно купить две недорогие книги или заказать очень сытный обед.

Мать тут же спохватилась и начала собирать со стола всю посуду, указав гостю, как проще всего подняться на печь, где ее уже ждала заправленная постель. Когда рука матери коснулась старого крана, она вдруг вспомнила одну очень важную деталь. Точнее, *не* вспомнила ее.

— Веря, — тихо сказала она и посмотрела в глаза жнице, когда та повернулась к ней. — Право, прошу меня простить, но я ведь так и не спросила вашего имени.

Жница лишь добродушно усмехнулась, кажется, совершенно не будучи оскорбленной такой недосказанностью. Матери подумалось, что данные о жнецах в ее старых учебниках истории определенно стоит обновить: не такие уж они и грозные на проверку.

— Рина, мера, — отозвалась жница, широко зевнув. — Меня зовут Рина.

Мать лишь молча кивнула, не в силах больше выдать из себя и слова от стыда. Быстро закончила с посудой, пожелала жнице спокойной ночи и быстро удалилась из кухни, прикрыв за собой дверь. Больше оттуда она не слышала и звука. Но чувствовала себя как никогда защищенной, когда ложилась спать рядом с маленькой Лейлой. Мать подумала, что надо будет обязательно собрать Рине с собой что-то в дорогу завтра, ведь путь молодой жнице предстоял не близкий.

Но когда она проснулась на следующее утро, Рины уже не было, а матрас и постель были аккуратно свернуты в «рулет» и покоились в углу печи. Жница ушла с первыми лучами солнца, как будто и не было ее здесь никогда. Лишь перо синицы на столе напоминало о том, что матери и маленькой Лейле она не привиделась.

Глава 1. Густые Леса

"Когда мы говорим о естественных поселениях, нужно понимать, что речь идет не просто о людях, которые по своим личным убеждениям отказываются от контактов с внешним миром. Они живут по ранним заветам Создателя. По тем самым, которые люди чтили, еще когда Торикана была просто маленькой деревушкой у подножия горы Роят. Они не хотят менять свой уклад, и даже если вам непонятно такое решение, это не значит, что вы можете относиться к жителям естественных поселений без должного уважения и почтения..."

Выдержка из записанной лекции по предмету «История Эриды». Лектор – Сесилия Денвер, старшая дочь одной из главных семей столицы, Денвер-Росс

На Большом материке Эриды существовало лишь одно предприятие по производству для единой материковой железной дороги. Все эти поезда были типа «Белла», и на каждом имя красовалось, словно драгоценная медаль. С недавних пор начали даже экспериментировать с украшением этих громоздких букв: то звезд добавляют, то косу подрисуют внизу. В последний раз попытались его даже «продлить», написать «Беллатриса», но, узнав о таком новшестве, Совет Жнецов сразу же выпустил указ об отмене инициативы — это было бы грубым искажением исторической достоверности. Первую жницу, которую Создатель посвятил в эту должность, звали именно Беллой. Или по старому звучанию — Бель. Но уж никак не Беллатрисой.

«Если вы хотите чтить память верии Беллы в материи, то нужно делать это правильно» — высказался тогда действующий глава Совета.

Эти его слова звучали из каждой веданы⁵ по всей столице, и умудренные почитанием жнецов жители Ториканы полностью поддерживали ультиматум. Требовали остановить производство этих «еретических» поездов, и даже руководство предприятия выступало с официальным извинением и заверением полной замены составов.

Но на самом деле лишние буквы просто закрасили. Шумиха быстро улеглась, люди переключили внимание на другие новостные заголовки, а большинство пассажиров упорно делали вид, что не видят разводов краски на вагонах.

— И как им не стыдно? Неужели нельзя было действительно построить новые составы, а не позориться дешевой краской? — праведно возмущался Аверис, смотря в окно поезда.

— Ты вообще представляешь, в какую бы сумму встала утилизация новых десяти полностью готовых составов «Беллы»? Да на такие деньги можно пять экспедиций к Жерлу бесов отправить, я уж молчу про убытки.

— Много ты понимаешь, Эмили.

— Судя по всему, побольше тебя, — Эмили демонстративно закатила глаза и сдула со лба мешающую светлую прядь. — Ты вообще ходил на уроки экономики? Или только историю посещал?

⁵ Ведана — устройство связи, принцип работы которого основан на потоках энергии Создателя, которые протянуты через всю Эриду и напрямую синергируют с источником энергии веданы. Выглядит, как небольшой криптекс, и активируется либо индивидуальной печатью (у жнецов), либо особым паролем, который позволяет открыть ведану и увидеть маленький экран голографической проекции прямо перед глазами.

— Знать историю — важно!

— Как и все остальные предметы!

— Хватит. — Раздавшийся со стороны голос заставил двух молодых жнецов одновременно захлопнуть рты. — Ведете себя как дети малые. Вы не в столовой Замка, будьте серьезнее.

— Простите, наставница, этого не повторится, — виновато заверил ее Аверис.

Рина лишь отвернулась от них, снова устремив взгляд на быстро мелькающие пятна зеленого леса за окном. Аверис и Эмили замолчали и больше спорить в присутствии старшей не решались, но продолжали обмениваться злобными взглядами едва ли не поминутно. На выходе из Замка они старались произвести на нее максимально положительное впечатление, но уже на перроне центрального вокзала Ториканы чуть не подрались из-за какой-то старинной фрески на потолке. Они тогда попросили наставницу разрешить их спор, а Рина за шкурки втащила их в вагон поезда, не удостоив ответом. Ну не признаваться же молодняку, что она понятия не имеет, что это вообще за фреска такая и в каком году была написана. Факультативы по живописи и культуре в их возрасте она предпочитала тренировкам с собственным наставником. Вероятно, все же зря.

Рина так и не узнала, чья была гениальная идея поставить этих двоих в пару на первый тренировочный выезд. У нее создавалось впечатление, что они не переносят друг друга с рождения или связаны какой-то непримиримой враждой. На каждое слово одного у второго находился контраргумент, даже если речь заходила о любимом завтраке. Но самый главный вопрос, который волновал жницу: кому пришло в голову свалить эту парочку на нее? Да еще и в выходную поездку.

— Я вам не наставница, — сказала Рина после длинной паузы. — И не могу ей стать. Я еще не сдавала экзамен на ранг Е⁶. Не знаю, сказали вам об этом или нет.

— Учитель Роха сказала об этом, — подала голос Эмили. — Но мы о вас много слышали. Говорят, вы ещё на самом первом действующем⁷ ранге схватили опасную группу еретиков. Тех, что с амнезией.

«Тех, что с амнезией». Рину всегда веселила эта незамысловатая характеристика. Вряд ли нежелание признавать одно конкретное, самое серьезное преступление можно было назвать амнезией, скорее, нежеланием заканчивать свои жалкие жизни в Смертельных Льдах. Торговля детьми... Да за такое медленная и мучительная смерть в вечном холоде — еще мягкое наказание, она искренне так считала.

— Во-первых, я была там не одна, а со своим наставником и еще пятью опытными жнецами, — поправила ее Рина. — И поимка еретиков по большей части не моя заслуга.

— Но именно вы спасли детей в той деревне. — Аверис искренне пытался скрыть восхищение в голосе. — Вы в одиночку вышли против целого лагеря, это достойно восхищения.

— Махать косой каждый жнец горазд. Нет ничего героического в том, чтобы с нашим благословением и божественным оружием уложить пятерых идиотов, у которых на всех полтора топора экипировки. Намного важнее работать головой, — Рина постучала указательным пальцем себе по виску. — Если бы не стратегия моего наставника, то мы бы их и не нашли в этой бесконечной лесной чаще.

— Мне кажется, что у вас бы это получилось и без вашего наставника.

Рине пришлось использовать все свое самообладание, чтобы не треснуть наглеца по губам в тот же момент: она старалась не судить молодняк слишком строго. Сколько этим двоим

⁶ «Сегодня в столице» — самое крупное новостное издание Ториканы, которое рассказывает о событиях в городе и за его пределами.

⁷ «Сегодня в столице» — самое крупное новостное издание Ториканы, которое рассказывает о событиях в городе и за его пределами.

вообще? Лет четырнадцать? Они наверняка только что сдали свой первый в жизни КЕРТ⁸. Аверис и Эмили, как и все их однокурсники, еще плохо понимают реальное положение дел в старших рангах. Они восхищаются каждым старшим жнецом, который регулярно отправляется на боевые поручения. Даже если о таких «подвигах» нет упоминаний в Зале Почтения, слухи по Бездонному Замку разносятся так же быстро, как горный ветер по его этажам.

— Вот вам три моих первых урока, раз уж мне поручили вас обучить. — Рина развернулась к ним со всей серьезностью на лице, на которую только была способна. — Первое: никогда не подлизывайся к наставнику. — Аверис на этих словах заметно смутился и неловко потупил взгляд. — Это тебе никак не поможет. Большинство наставников лезть просто игнорируют, но есть принципиальные, которые могут за это снизить итоговый балл за год. Второе: не приписывай другим качеств, коими они не обладают. Не додумывай, не суди по первому впечатлению. Оценивай и себя, и других исключительно по поступкам, а не слухам или бахвальству. Не перехваливай и не обвиняй понапрасну. И наконец, последнее: никогда не спорьте друг с другом вне стен Замка, особенно на задании. Если вы напарники, то все ваши распри остаются в ваших комнатах и тренировочном зале. Каждый встретившийся вам на дороге жнец – ваш друг. А напарники в пути вообще лучшие друзья, брат и сестра, одноклассники – как хотите называйте. Суть в том, что вы друг за друга стоите горой и в бою, и в споре. Зачастую только так можно выжить. И из этого вытекает четвертый, бонусный урок – вы не всемогущи и уязвимы, несмотря на божественную силу в ваших косах. Как и ваши наставники. Всегда об этом помните.

Аверис и Эмили после ее тирады притихли еще сильнее. Даже головы в плечи вжали и смотрели на Рину почти робко, как будто она их не наставляла, а зачитывала распоряжение отправиться обоим в Жерло Бесов зачищать остатки скверны. Рина даже мельком подумала, что перегнула с грозным лицом и строгим голосом, но все же лучше они сейчас испугаются ее слов, чем потом выучат эти же уроки на собственной шкуре. Она прекрасно знала, насколько это неприятно.

Рина достала из походной сумки потрепанную книгу и открыла на первой попавшейся странице, явно давая понять, что разговор закончен. Двое жнецов немного расслабились, видимо, осознав, что больше наставлять их в ближайший час никто не собирается: Аверис снова начал изучать пейзаж за окном, а Эмили переплетала свою густую косу с крайне сосредоточенным лицом. Действительно задумались над ее словами? Хорошо бы так. Рине не хотелось, чтобы ее первый, пусть и невольный опыт наставничества закончился полным провалом.

— Наст... Мера Рина, — подала голос Эмили после почти получаса молчания.

— Я старше вас всего на пару рангов, можно просто Рина. Что такое?

— А... Хорошо. — Эмили покрутила на пальце светлую прядь волос. — Вы просто так и не сказали, куда мы едем. И какое у нас задание?

«А я все думала, когда они спросят», — мысленно усмехнулась про себя жница. В какой-то момент у нее создалось впечатление, что этим двоим вообще все равно на место назначения – хоть на Малый материк отвезите. Все настоящим приключением будет.

— Мы направляемся в...

Рина осеклась, когда за ее спиной открылась дверь вагона и в проеме показалась слегка напуганная и взъерошенная девушка. Она пробежалась глазами по вагону и остановила взгляд на трех сидящих рядом с ней людях.

⁸ КЕРТ – экзамен, который сдают все жнецы, когда переходят из одного ранга в другой. Первый раз его сдают при зачислении в ученический ранг. Состоит из теоретической и практической части, в которую входят как программа преподаваемых наук, так и боевая подготовка. Назван по первым буквам четырех членов Совета Жнецов, которые этот экзамен разработали: Кай, Ева, Рональд, Теос.

— Мера, это вагон для жнецов, — пояснила Рина на случай, если девушка просто заблудилась в череде бесконечных дверей состава. — Спальные вагоны граждан находятся в другой части поезда.

— Верия, прошу меня простить, но вы не могли бы нам помочь, пожалуйста? Там у молодых людей какое-то... недопонимание. Сотрудники поезда никак не могут их примирить.

Рина перевела довольный взгляд на двух своих подопечных:

— Вот вам задание. Жнецы обязаны вмешаться в гражданский беспорядок, если рядом нет представителя Стражи. Вперед.

Эмили и Аверис подорвались с мест почти синхронно, словно только команды и ждали. Они последовали за девушкой в другой вагон, на ходу успокаивая ее какими-то стандартными заверениями по типу «Не переживайте, мера, сейчас разберемся». Рина даже книгу отложила, по вагонным часам начала отсчитывать время их отсутствия. Минута... Две... Три... Пять. И вот дверь вагона снова распахнулась, а двое заклятых друзей плюхнулись на свои места, явно подрастеряв немного свой воодушевленный настрой: выглядели больно разочарованными.

— Дайте угадаю... — Рина не сдержала улыбки. — Это были двое пьяниц, которые панически бросились наутек, едва вас увидели?

— Это классическая ситуация? — уточнила Эмили.

— Более чем. Советую смириться с тем, что после экзамена на ученический ранг интересного будет мало. Да и на первых действующих тоже. Приключений, как в исторических книгах, у вас еще долго не будет. Разве только случайных. Но, по своему опыту скажу, такие вам вряд ли понравятся.

— То есть мы едем не на боевое задание, да? — Аверис не смог скрыть разочарования в голосе.

— У меня вообще выходная поездка сегодня. Мы едем навестить девочку, которую я спасла от тех торговцев детьми, о которых мы говорили. Она очень просила меня как-нибудь вернуться и научить ее сражаться. Когда уходила, я оставила ей перо синицы на постели. Вы ведь знаете, что оно означает?

— Конечно, — кивнул Аверис. — Синица — символ нашего Хозяина. Если вы оставили ей перо этой птицы, то обязаны исполнить ее желание. Это долг каждого жнеца.

Рина удовлетворенно кивнула:

— Вот именно. Хорошо, что ты это усвоил. Подобными клятвами опрометчиво разбрасываться не стоит.

— Но почему именно сейчас? Два года ведь уже прошло.

— Я подумала, что сейчас самое лучшее время. Когда я сдам экзамен на ранг Е, у меня будет еще меньше свободного времени.

Остаток долгой поездки прошел в относительной тишине, нарушаемой только шумом колес и редкими перешёптываниями двух молодых жнецов. Кажется, они опять о чем-то спорили. Судя по всему, поучительные наставления Рины так и не уложились пока в этих головах. Она бы, наверное, снова их отчитала, если бы решила прислушаться к тихому двойному шипению.

Но ей было не до этого.

С каждым километром, что они проезжали, зудящее нервное предчувствие только усиливалось, заставляя жницу все сильнее нервничать. Рина беспокойно крутила в пальцах зеленый кулон, что висел у нее на груди на длинной цепочке.

Что-то не так.

Что-то определенно не так.

Рине казалось, что за время месячных скитаний по этой дремучей чаще, она тогда выучила ее наизусть и уже никогда бы не забыла ни одного поворота до нужной деревни. Каж-

дый жнец должен уметь хорошо ориентироваться на любой местности, этому учат с самого детства еще до основной боевой подготовки. Учителя и наставник всегда ставили жнице исключительно высокие баллы по этому действительно непростому предмету, и Рина была полностью уверена в своих способностях. Ровно вот до этого момента.

С поезда они сошли на станции Белладонна, которая находилась в непосредственной близости от единственного в округе одноименного города. От шумящего поезда люди небольшой вереницей потянулись к главной дороге, что начиналась в нескольких десятках метрах от края станции. Вдалеке можно было увидеть аккуратные рядочки из общественных и личных хун⁹, ожидающих пассажиров.

Аверис и Эмили рефлекторно потянулись за периодически оглядывающейся на них толпой, но Рина одернула их чуть ли не за капюшоны мантий:

— Мы идем не в Белладонну. Нужно пройти через лес, до деревни быстрее всего дойти от станции.

— Мы пойдем по территории Густых Лесов? — Эмили недоверчиво покосилась на огромные деревья. — На территорию заповедника разрешен вход таким образом? Нам разве не нужно... получить разрешение?

— Ну мы же жнецы... — аккуратно предположил Аверис и тут же вздрогнул под строгим взглядом временной наставницы.

— И что? Ваши мантии не освобождают вас от соблюдения законов. Эмили права, нам нужно разрешение. Я отправила запрос на него еще неделю назад. — Рина достала из внутреннего кармана мантии аккуратно запечатанный конверт с гербом Замка. — И получила его за два дня до отъезда.

— А... нас пропустят по вашему разрешению? — уточнила Эмили слегка взволнованно. Судя по всему, до нее начал в полной мере доходить их с напарником прокол по части заведомого информирования.

— Пройдете под мою ответственность, так как у вас не было времени на получения собственных. Но вообще... — Рина недовольным взглядом обвела учеников, заставив их еще сильнее устыдиться. — Вы все сделали неправильно. Не спросили куда мы едем, зачем мы едем. Не поинтересовались, какое снаряжение и какие ресурсы вам потребуются. Я понимаю, что это ваш первый выезд так далеко от столицы, но осведомленность — это пятьдесят процентов успеха операции. Будь это реальным учебным заданием, я бы поставила вам «неуд» еще на выходе из Замка.

Аверис и Эмили стыдливо переглянулись. Рина даже подумала, что они сейчас начнут друг друга обвинять в этой глупой промашке, но напарникам хватило ума и, вероятно, совести не закапывать себя еще глубже.

— Мы поняли, — смиренно проговорила Эмили. — Впредь будем внимательнее следить за подготовкой и получением информации.

— Хорошо, — жница удовлетворенно кивнула и, чуть погодя, решила все же добавить: — Главное, помните: не бывает обучения без ошибок. В том числе глупых и грубых. Самое важное — учиться на них и извлекать опыт.

Рина повела учеников вдоль леса и железной дороги, по проселочной тропинке. Кроны первых деревьев Густых Лесов нависали над ними тенью, спасая от яркого летнего солнца. Деревьям, казалось, не было конца. И дороге тоже. А сохранившегося в ее памяти пропускного пункта так и не было видно.

— Странно, убрали они его, что ли? — спросила Рина у самой себя, когда к концу подходил уже второй километр пройденного гравия.

⁹ «Сегодня в столице» — самое крупное новостное издание Ториканы, которое рассказывает о событиях в городе и за его пределами.

Жница держала в руках собственноручно составленную еще два года назад карту этой местности, и по ее чертежам пропускной пункт должен был стоять еще около двухсот метров назад. Она ли просчиталась в тот раз с картой? Или пункт действительно просто перенесли в другое место?

Аверис и Эмили всю дорогу молча шаркали у нее за спиной, не решаясь ни вопросы задавать, ни привычно спорить. Но когда Рина остановилась, в растерянности разглядывая карту, молодой жнец все же решил подать голос:

— Мне кажется, здесь уже давно никого не было. Целостность защитного барьера не нарушена. — Аверис прикоснулся рукой к невидимой преграде, что отделяла их от леса. — Если бы где-то рядом был КПП, то для него пришлось бы сделать отверстие в барьере, и его расположение можно было бы проследить по потоковым вибрациям.

Рина даже подивилась таким подробным знаниям у представителя ученического ранга. Она сама плохо разбиралась в защитных механизмах, это была абсолютно не ее специализация. Какие-то базовые знания имела, конечно, но в целом вряд ли бы смогла полностью понять, а уж тем более объяснить, как работает даже самое простейшее устройство подобного типа. Аверис, судя по всему, был подкован в этом вопросе.

— Я выбрал «Защиту» как специализацию, — пояснил он, заметив недоумение в глазах наставницы. — Хочу в будущем попасть в группу контроля Жерла Бесов.

— Благодородное желание, хоть и весьма опасное, — улыбнулась Рина, уважив про себя такое нетипичное для молодого жнеца рвение. — Что ж, надеюсь, Хозяин тебя в этом стремлении направит. Доверюсь твоему мнению. Тогда нам лучше вернуться на станцию и все же попробовать пройти в лес через главный КПП в Белладонне.

Но все же что-то не давало ей покоя. Зачем было убирать проход, по которому можно без проблем пройти в заповедник к единственному естественному поселению¹⁰ в нем? До центральной базы Густых Лесов намного дальше, это ведь может помешать людям получить помощь в случае необходимости.

— Аверис, а как давно, по-твоему, убрали этот КПП?

— Сложно сказать наверняка, но явно больше года назад. Если бы это случилось раньше, то «заплата» на барьере не успела бы прижиться так быстро. Им бы пришлось еще выставять охрану на случай проникновения подготовленных браконьеров.

— Может быть, его убрали как раз после того, что здесь случилось? — предположила Эмили. — Как-то ведь эти еретики попали в заповедник. Вряд ли через центральный вход, а вот сбоку вполне могли.

Довод жницы был вполне логичным. Скорее всего, именно так и случилось, но только почему при получении разрешения Рине никто не сказал об этой перестановке? Все же она указывала в запросе цель своего визита.

«Может, решили, что я войду через главный вход, — усмехнулась она своим мыслям. — Все-таки жница, а не воровка, чтобы по боковинам ныкаться...».

На уже опустевшей железнодорожной станции они все же нашли свободную хуну, хозяин которой с радостью согласился их подвести. Крытую, конечно. Открытых хун, положенных жнецам, в такой глуши днем с огнем не сыщешь.

— Как-то даже непривычно, — прокомментировала Эмили, когда они втроем уселись в тесную повозку. — Очень... тесно.

— И не выскочишь быстро при надобности... — тихо добавил Аверис.

¹⁰ Естественное поселение – термин, обозначающий жилые села, деревни, небольшие города, которые находятся в огороженных Божественной волей местах, например, заповедниках. Жителей таких поселений запрещено выселять оттуда и мешать их сложившемуся образу жизни, если для этого нет весомых оснований.

— Здесь жнецы не самые частые гости, — Рина два раза ударила в стенке хуны как знак извозчику, что можно ехать. — Столичные правила тут не действуют. Уж потерпите как-нибудь полчаса, ничего с вами не станется.

Завелся под ними громкий мотор, и хуна медленно покатила по ухабистой и неровной дороге, ведущей напрямик к небольшому городу.

Белладонна и Густые Леса издавна были приютом для огромного количества животных, насекомых, птиц и растений. Здесь была сформирована своя экосистема, целый мир, который ни в коем случае нельзя было нарушать. Вероятно, именно поэтому здесь никак не могли проложить удобную и качественную дорогу, которая бы облегчила проезд хун и проход людей. Животные Густых Лесов жили не только за плотным барьером: очень часто на неогороженной части железнодорожных путей можно было встретить Хозяин весть откуда взявшуюся лошадь. Или оленя. А «Сегодня в столице»¹¹ уже писал о случаях встречи жителей Белладонны с дикими животными чуть ли не порогах собственных домов. Конечно, сотрудники заповедника — люди обученные, да и не водятся в Густых Лесах особо опасные виды, но все же... Приятного мало. Руководство заповедника почему-то продолжает заботиться исключительно о благе четвероногих жителей, забывая о том, что, вообще-то, на территории есть естественное поселение, и этих людей нужно обеспечить хотя бы возможностью быстрой связи с внешним миром. Рина порой задавалась вопросом, почему после того инцидента деревеньку не переселили в другую часть заповедника. Объективно: если пробрались одни еретики, смогут и другие рано или поздно. Обычная ли это халатность или просто нежелание тратить лишние деньги? Если уж они о своих сотрудниках позаботиться должным образом не могут, то что говорить о селянах, которые очень многим владельцам подобных мест как ком в горле стоят...

«Думаю, стоит попробовать заняться этим делом, когда я сдам экзамены, — подумала жница. — Не знаю, дадут ли ему ход, но Харан говорил, что меня легко примут в новые ряды...»

Под вид сменяющих друг друга деревьев в окне мысли у Рины потекли в сторону приятной дремоты, почти как под звуки маленького ручейка в садах эдема. Как и другие жнецы, она часто приходила в этот оплот медитативного равновесия, находящийся в самой высокой башне Замка. Возвращаясь в столицу, Рина порой видела эту башню с другой стороны рва, что отделял Торикану от главной дороги. С того берега комнаты в башне казались совсем крохотными точками света, венчавшими пик горы Роят. А на самом деле размеры садов были действительно впечатляющими. Туда приходили побыть наедине с собой и собственными мыслями, погрузиться в покой, свежий воздух и звуки природы, что порой было действительно необходимо...

И очень бы сейчас пригодились бы Рине, потому что Аверис и Эмили снова решили поругаться, лишившись надзора задремавшей наставницы:

— Это глупо! Как ты можешь не понимать?

— Закрой рот, Аверис! Ты не имеешь никакого права судить мой выбор! Это моя жизнь и я сама решаю, что с ней делать!

— Какую пользу ты сможешь принести таким образом?

— **Да прекратите вы сегодня или нет?!**

Разъяренный голос разбуженной жницы полоснул вибрациями пространство, словно пыточный хлыст, и заставил двух учеников в страхе вжаться спинами в стену хуны. Их план очевидно состоял в том, чтобы не тревожить наставницу и умудриться поругаться у нее за спиной, но он провалился с таким же треском, с каким ломались сейчас их надежды на хорошую характеристику для учителя Рохи.

— Что вы опять не поделили?!

¹¹ «Сегодня в столице» — самое крупное новостное издание Ториканы, которое рассказывает о событиях в городе и за его пределами.

Ответом послужило лишь стыдливое молчание.

— Мне еще раз повторить?!

— Она выбрала «Охрану» в качестве специализации! — выпалил Аверис, заставив Эмили сжать кулаки в его сторону.

— И что? Какое тебе до этого дело? — жестко осадил его Рина.

— Но... это же неправильно! Таскаться в телохранителях у чиновников столицы! Неужели это достойное жнеца занятие?!

Эмили готова была расплакаться от обиды. Она в панике переводила взгляд с напарника на старшую, каждую секунду пресекая порыв закрыть пунцовое лицо руками. Она не могла вытерпеть того, что Аверис унижал ее на глазах у наставницы, пусть и временной. А лицо самого Авериса было искажено таким праведным гневом, как будто Эмили ему только что призналась в самом тяжелом грехе, а не выборе «кормушечной» специализации. Нужно было что-то срочно делать, пока эти две бомбы не рванули одновременно.

Рина с силой ударила ладонью по стенке хуны, и повозка тотчас же встала, как вкопанная посреди леса.

— Выметайтесь оба, — приказала жница, настежь распахнув хлипкую дверь кабины.

Ослушаться они не решились. Извозчику, вероятно, со стороны показалось, что он сейчас станет свидетелем какой-то жестокой казни: Рина нависла над двумя учениками фурией, оттеснив их к краю небольшого оврага. Аверис и Эмили были того же мнения. Судя по белым и перепуганным лицам, они уже готовы были помириться на века вот прямо сейчас и поклясться Рине на крови в верности и дружбе, лишь бы она не скинула их хладные трупы в эту самую яму.

Аверис очень быстро свой запал растерял, увидев поблескивающее лезвие косы у наставницы за спиной. Он испуганно сглотнул и попятился к самому краю оврага, едва успев удержать равновесие. В этот момент он готов был поверить, что Рина сейчас обнажит свое оружие и одним взмахом отрубит головы обоим...

— Ты, — жница развернулась к Аверису всем корпусом. — Никогда, — никогда, слышишь? — не смей осуждать других жнецов, а особенно свою напарницу, за выбор специализации. Даже если тебе она не близка. Это, во-первых, не твое дело, а, во-вторых – любое занятие, указанное в Кодексе, достойно жнеца. Эмили имеет полное право выбрать безопасную жизнь в столице и сопровождать политиков, а не бросаться вслед за тобой в действующий вулкан. Это ее решение и нет тут ничего постыдного. А ты, — взгляд, брошенный на Эмили, заставил ученицу содрогнуться, — не выбирай специальность, за которую потом будешь краснеть!

— Все не так..! — пискнула девушка, едва удерживая себя от того, чтобы шагнуть в яму добровольно.

— Так, иначе бы не ревела от ее упоминания при старших! Все мои слова прошли мимо ваших ушей, я смотрю. Ладно, что ж, — Рина устало потеряла переносицу. — Я вам не наставница, сама об этом говорила. Официальных взысканий делать с вас не смогу. Но поскольку вас навязали мне в выходной день... Всю дорогу до центральной станции пройдете пешком. Тут по прямой, не заблудитесь. И будет отличная возможность помириться.

И пока эти двое не успели опомниться, Рина ловко запрыгнула обратно в хуну, дала знак извозчику и... была такова. В заднем окне она успела увидеть, как Аверис и Эмили смотрят вслед укатывающейся повозке пустыми и печальными взглядами. У жницы создалось такое впечатление, что она незрячих щенков бросила на дороге, оставив без шанса на выживание. Впрочем... «щенкам» эта прогулка точно пойдет на пользу.

Остаток пути Рина ехала в привычной ей тишине и долгожданном спокойствии.

С ее личной точки зрения, первый опыт наставничества она все же провалила.

Глава 2. Каймер

Глава 2. Каймер

«Что отличает толкового руководителя от глупца-самодура? Четкое понимание того, что все твоё великое дело, которое ты строил много лет с таким большим трудом, держится лишь на плечах подчиненных. Даже не на твоих. Да, наличие пропасти между вами – это известный факт, но толковый руководитель должен знать не только место своих работников, но и свое собственное. Иначе эта пропасть схлопнется очень быстро и совершенно не в твою пользу...»
Выдержка из книги "Рассказы скромного управленца" за авторством Вигмунда Рейста, члена главной династии Ториканы, посвященной секретам его долгой и успешной работы на должности первого счетовода семьи.

Воспитательный процесс, который Рина симпровизировала, был, несомненно, хорош в своей идее. Да вот только исполнение подкачало. Точнее, место и время.

Жница не учла, что если на хуне до Белладонны ехать всего каких-то десять минут, то пешком у двух соратников по несчастью на этот путь уйдет не меньше сорока. Бросить их одних в городе она не имела права, как бы сильно Аверис с Эмили ее не бесили. Выходная поездка грозилась превратиться в настоящее мучение, если этого уже не произошло.

Рина решила подождать учеников в небольшом придорожном кафе прямо рядом со станцией, где останавливались все общественные хуны. Вряд ли они пропустят яркую вывеску, не настолько они невнимательные. Не настолько ведь, да?

Дверь открылась под тихую трель потолочного колокольчика, и стоило черной мантии девушки скользнуть по каменному полу, удивленные — а то и испуганные — взгляды всех постояльцев устремились на загадочную жницу. Наступила почти гробовая тишина.

Рина подавила порыв закатить глаза. Она никогда не ставила собственный комфорт выше долго, но готова была поклясться силой Хозяина в собственном взгляде — за двадцать лет жизни эти впивающиеся в кожу взгляды успели задолбать больше всего... Она так надеялась, что хотя бы в этой тихой глуши их не будет.

— Верия... — пожилой мужчина за прилавком первым подал голос, — добро пожаловать... э-э-э, проходите, пожалуйста.

Голос старика показался девушке почему-то очень знакомым. Она задержала на нем взгляд на две секунды дольше положенного, но все же лица его вспомнить не смогла.

— Не нужно церемоний, мейр¹² — тихо проговорила Рина, подходя к стойке вплотную и заставив себя выкинуть из головы ненужные мысли.

— Могу я вам чем-то помочь?..

Старик, кажется, сам никак не мог решить пугаться ему, волноваться или радоваться. Лицо, покрытое густой седой бородой, меняло эмоции с такой скоростью, с какой мысли в голове не формируются.

¹² Вежливое обращение к мужчине.

— Можете, — улыбнулась Рина. — Если подадите мне то пирожное с персиком на витрине.

Рина положила перед мужчиной пятнадцать дунн¹³ и улыбнулась, стараясь придать лицу как можно более расслабленное выражение. Что было, кстати, крайне непросто, учитывая скорое появление двух конкретных бед на ее голову.

Старик немного растерялся такой простой просьбе, но спустя секунду легкого ступора нужное лакомство уже стояло у Рины перед носом. На красивой тарелочке.

— Верия, простите за вопрос, но нам угрожает какая-то опасность? — мужчина перешел на едва различимый шепот, но Рине все равно показалось, что в неестественной тишине посетители слышат каждое его слово.

— Нет, я не на задании, — легко отозвалась Рина, цепкой хваткой дотягиваясь до стаканчика с вилками. — Ну, не на серьезном. Учю молодняк.

Кажется, этот честный ответ хозяина вполне устроил. Он, бедный, даже не смог сдержать вздох облегчения. Старик глянул в сторону постояльцев и сделал какой-то неопределенный жест рукой, который, видимо, означал отбой тревоги — все снова вернулись к негромким разговорам и своей еде.

О, как.

— А где же ваши ученики? — спросил уже повеселевший хозяин. — Могу поварам что-то заказать, состряпают за двадцать минут в лучшем виде!

— Они наказаны, идут от станции пешком. И надеюсь, думают над своим поведением.

Старик, судя по всему, спорить не решился, хотя очевидно мог представить расстояние от станции до Белладонны. Не сказать, что это тяжелый путь, но длинный и душный. Во всех смыслах этого слова, учитывая сильную влажность в Густых Лесах в это время года.

— Мейр, лучше скажите, пожалуйста, не знаете ли вы что-то о людях из здешнего естественного поселения, — Рина перевела взгляд на хозяина, отправив в рот кусок пироженки.

— Чего не знаю, того не знаю, верия, — мужчина непринужденно пожал плечами, возвращаясь к размеренному мытью посуды. — Я ведь не сотрудник заповедника, вы вон лучше у постояльцев моих спросите.

Он повысил голос на последнем предложении, и постояльцы, словно по команде, опять все обратили внимание на барную стойку. Рина видела это движение лишь краем глаза, но отлично его знала: все жнецы в Замке реагирует так же. Когда доносится голос глашатаго, ты обязан бросить все и слушать. В контексте маленькой деревеньки чуть ли не на останках скверны подобная синхронность выглядела... как минимум, немного пугающей.

Рина решила соблюсти приличия — тоже развернулась к слушателям в полный оборот, оставив старика у себя за спиной.

— Вы что-то знаете о людях из естественного поселения в Густых Лесах?

— Так в том-то и дело, верия, что ничего не знаем, — отозвался один из рабочих в узнаваемой форме. — Нам их тревожить запрещено, а сами они с *того* инцидента не появлялись вообще на границах заповедника.

— Что, вообще? — удивилась жница. — Даже за мед. помощью или резервными пайками не приходили? Прошлый год был неурожайным, как они одни могли там выжить?

Рабочий лишь развел руками:

— Таковы правила.

— И вы никуда не сообщали?

— Так мы пытались! — поддержала коллегу сидящая рядом женщина. — Верия, вы не представляете, сколько раз я лично писала прошения отправить хоть кого-то к ним. Мы боялись, что у них, может, эпидемия заразы какой-то или дороги по весне размыло, и они про-

¹³ Дунна - монета самого мелкого номинала. За 5 дун можно купить батон хлеба.

сто в ловушке оказались. Но на каждое прошение — отказ. Мол, все под контролем, не о чем переживать.

— Под чьим контролем?

Резко запахло какой-то подставой. Этот смрад любой жнец узнает где угодно и в какой угодно форме. Интуиция, подстегиваемая божественным благословением, уже начала бить в тревожный гонг. После ее вопроса в этой, казалось бы, милой и обычной забегаловке, каких сотни у всех дорог материка, вдруг поменялся воздух. Посетители переглянулись друг с другом все ещё немного опасливо, но с явным отвращением на лицах. Они все знали этого «контролера», и было очевидно — испытывали к нему далеко не лучшие чувства. Жница сжала ладонь вокруг маленькой зеленой спирали, что покоилась у нее на груди в области сердца. Каким-то образом, желая просто выпить чай, Рина оказалась втянута в местный конфликт, о котором не имела ни малейшего представления.

— Вэра¹⁴ Симона Барена, управляющего Густых Лесов, которого поставили сюда после инцидента двухлетней давности, — подал голос старик за ее спиной.

— Вы же сказали, что вы не сотрудник заповедника, мейр, — холодно хмыкнула Рина, слегка качнув головой в его сторону. — Вы знаете, что обманывать жнеца – преступление?

— Я не сказал и слова лжи. Я не сотрудник заповедника. Больше нет.

Вот оно. Теперь Рина поняла, почему голос этого странного старика с самого начала казался ей таким знакомым. Она видела его тогда, два года назад. И даже наблюдала за его судом. Каймер – кажется, так его звали, но фамилию жница в момент припомнить не смогла. Он был предыдущим управляющим Густых Лесов, который взрастил на своих плечах почти два поколения работников этого заповедника. Многим здесь он был если не как родной отец, то как дед – точно. Его сняли с должности после проникновения еретиков на территорию заповедника и даже судили, но приговор был все же вынесен оправдательный. Сотрудники грозились поднять бунт, саботировать работу заповедника и ухода за ним, что могло нанести колоссальный финансовый и экологический вред. Ситуация была практически патовая, а наставник Рины, глава специализации «Разведка» по имени Харан, только подливал масла в огонь своими категоричными заявлениями о необходимости отправить «этого еретика» в Смертельные Лыды.

Рина наблюдала тогда за всем процессом со скамьи зрителей, не проронила лишнего слова, кроме собственных свидетельств о пережитом, и искренне недоумевала, откуда в ее наставнике столько необоснованной ярости к этому бедному человеку. Ведь ни одна мера охраны не была нарушена, все защитные барьеры были сооружены учеными СПЕКТРа¹⁵ под бдительным контролем жнецов специализации «Защита» уже очень давно. И барьер обновляли строго по установленному теми же самыми жнецами расписанию, Каймер не сделал и не упустил ничего, что позволило бы вменить ему в вину проникновение еретиков на эту землю. Нужно было допрашивать мерзавцев, а не скидывать все на невиновного человека. А Харан как будто ослеп от не пойми откуда взявшегося гнева и не понимал этого.

Воспитание и уважение к наставнику не позволили ей перебить его речь или опровергнуть слова во время процесса, но пока шло слушание она отправила срочное послание на ведану главе Совета жнецов с почти мольбой донести происходящее до Хозяина и попросить его рассудить по справедливости. Через час после того, как с ее веданы было отправлено послание, судья получил письмо о назначении высшей божественной воли. Хозяин своим решением

¹⁴ Вэр - крайне уважительное обращение к мужчине.

¹⁵ СПЕКТР (абб.) – «Специализированный корпус трудовых ресурсов» — единственная организация, которая является местом работы для ученых людей Эриды. Она собирает под своим крылом всех: инженеров, изобретателей, историков, физиков, химиков, филологов, литературоведов и т.д. Чтобы попасть на хорошую должность в любое отделение любого направления СПЕКТРа, нужно быть действительно выдающимся деятелем или получить рекомендации действующего сотрудника организации. Несмотря на то, что люди, там работающие, считаются по праву одними из умнейших на всей планете, деятельность многих из них сильно ограничена и сводится лишь к изучению практических применений даров Создателя.

оправдал Каймера, но снял того с должности. Ни Харан, ни кто-либо еще спорить с подобным приказом не стал. Потенциальный бунт сотрудников заповедника таким образом был остановлен, а на должность Каймера выбрали другого человека. Рина, правда, так до сих пор и не знала, как глава Совета так быстро получил просьбу и даже удовлетворил ее без должного рассмотрения... А еще не понимала, почему Хозяин не отмахнулся от ее прошения, ведь доказательств своих слов она не предоставила. Честности ради, посылая эту ведану, Рина вообще ни на что не надеялась. Это был скорее порыв ее совести хоть что-то противопоставить взбесившемуся Харану. Кто же знал, что ее воспримут столь серьезно? Харан явно был недоволен исходом слушания, но с Риной эту тему они больше никогда не обсуждали. Она вполне допускала, что наставник мог догадаться о ее причастности, учитывая, что печатала ведану она прямо в зале суда, сидя на заднем ряду. Но даже если и подозревал, то молчал об этом вот уже два года.

И сейчас Рина снова встретила с этим человеком, которого когда-то, возможно, спасла своим совестливым порывом. Впору было устыдиться, что она, пусть и в мыслях, называла Каймера стариком. Два года назад ему было шестьдесят лет и даже на скамье подсудимых он выглядел статно и гордо — прямо образец мужчины. Сейчас же за ее спиной сидел скорее повивавший жизнь моряк, нежели уважаемый чиновник, коим он был до того рокового дня. Теперь стало очевидно, почему все эти люди слушались его, как жнецы глашатая. Нового авторитета в виде мейра Барена никто из сотрудников так и не признал.

Рина развернулась, вновь встретившись взглядом с холодно-синими глазами Каймера. Но в этих решительных льдах она не видела угрозы, во всяком случае, для себя. Он смотрел почти весело и даже с какой-то нежностью, как обычно дяди и тети смотрят на своих племянников. Очевидно, при всей его формальности и заученным фразам, он воспринимал Рину исключительно как ребенка, пусть и благословенного Создателем. Интересно, как быстро бы аристократы Ториканы «исключили» его из общества за такое, будь они сейчас в столице?

— Вы видите в этой ситуации что-то веселое, мейр? — горделиво поинтересовалась Рина, с трудом сдерживая порыв продемонстрировать лезвие косы более открыто.

Каймер, видимо, сообразил свой просчет. Идиотом он не был и при всей его привычке распространять отцовскую нежность на всех младших вокруг, он все же способен был осознать — жница с острой косой за спиной этого не оценит, будь ей хоть пять, хоть двадцать лет.

— Вовсе нет, верия, — Каймер кашлянул в кулак. — Каймер Стил, к вашим услугам. Простите мой маленький спектакль, я не хотел говорить от своего имени. Вне стен этой забегаловки оно теперь все равно ничего не стоит. Вы выросли.

— Вы меня помните? — удивленно спросила она.

— Разумеется. Вы были единственной, кто вступился за меня тогда, пусть и не вслух, — улыбнулся Каймер. — Я искренне верил все эти годы, что это вы тогда послали за божественным вмешательством, учитывая временной промежуток между сиянием экрана вашей веданы на задних рядах и прибытием высочайшего указа.

Рине потребовалось немало самообладания, чтобы спрятать свое удивление в этот момент. Он это заметил прямо на суде. Даже не догадался после, а уже там сопоставил ее намерения. Что вообще за человек этот бывший чиновник?

— Не понимаю, о чем вы, мейр, — отозвалась она меланхолично. — Мы, конечно, не в столице, но все же стоит соблюдать осторожность. Предположим, мне все равно, но если вы более опытного жнеца обвините в неуважении к своему наставнику...

Каймер поднял ладони, будто уже сейчас готов был под ее стражей отправиться в Смертельные Льды. Разумеется, трепаться о таком не стоит. В конце концов, в тот момент Рина почти что саботировала заседание, а также поставила авторитет и репутацию Харана, как жнеца высшего ранга и главы Разведки, под угрозу, и лишь Хозяин ведает по какой причине с нее так за это и не спросили. Лучше, чтобы этот случай через лишние уши не переходил...

— Давайте поговорим о Симоне Барене. — Рина решила вернуть разговор в прежнее русло, а то он явно куда-то не туда уже зашел.

— Вэр Барен много раз игнорировал запросы моих ребят о проверке естественного поселения на территории Густых Лесов.

— Игнорировал? Мера сказала, что ей докладывали о контроле этой зоны, — Рина качнула головой куда-то в сторону указанной женщины.

— Все равно что игнорировал, — отмахнулся Каймер, скривив лицо. — Я тридцать лет проработал чиновником, верия, я знаю все эти отписки побуквенно. Он не хотел, чтобы сотрудники туда лезли. Он что-то скрывает, клянусь вам.

Рина нахмурилась. Она не сомневалась в том, что Каймер был ответственным и грамотным руководителем. Заслужить поголовную преданность своих людей на таком крупном предприятии еще умудриться нужно. Еще два года назад многие из них, особо эмоциональные, готовы были прорываться в зал суда и костями ложиться за начальника. Становилось очевидным, что управленцем он был толковым. И судя по текущей ситуации, авторитета своего не растерял за время «изгнания», даже, скорее, прибавил его в глазах бывших подчиненных. Говорил внятно, без ярости и злобы, грамотно оценивал расстановку сил между ней и собой, сразу сдал назад, когда понял, что перешел черту. Каймер явно пытался намертво ухватиться за неожиданную возможность докопаться до сути и дискредитировать Симона, но озлобленным безумцем он точно не был.

— С чего вы взяли, что скрывает? — Рина наконец обратила внимание на поданое ей пирожное и отправила ложечкой маленький кусок себе в рот. — Вы считаете мейра Барена идиотом? Он ведь не настолько наивен, чтобы не понимать, кого на самом деле слушают его новоиспеченные работники. Даже я это поняла, не просидев на этом стуле и получаса. Он мог расценить их безостановочные обращения как вашу попытку проникнуть в естественное поселение и подставить его.

— Так уж ладно моих, он ведь даже своих людей туда не пускает! — Каймер уперся локтями в барную стойку и серьезно посмотрел жнице в глаза. — Повально увольнять всех сотрудников он не стал, разумеется, но всю охрану сменил на свою. И отдельно огородил границы естественного поселения. Не прошло и полугода с его назначения, а он убрал боковой КПП, мол, чтобы еретики больше не проникли через него к людям. Но я ведь тоже не идиот, верия. Я знаю, что во время расследования было установлено, что те мерзавцы не проходили ни через боковой вход, ни через центральный. У меня куча недостатков, вам здесь каждый только рад будет об этом рассказать, но к безопасности людей и своим обязанностям я всегда относился серьезно. «Дыры» не могло быть. Я это знаю. Все это знают, даже уполномоченные следователи в этом убедились. Может, Симон и нашел настоящую брешь в результате, уж такими подробностями не располагаю... Но зачем было убирать кратчайший выход, защиту которого обновили и втрое усилили еще во время разбирательства? Как вам кажется, не может ли быть такого, что он сделал не для того, чтобы туда не могли войти...

— ...а для того, чтобы не могли выйти, — закончила за него Рина, нервно звякнув ложкой по маленькой тарелке. Снова запахло подставой.

Каймер кивнул, едва заметно выдохнув от облегчения. Видимо, до последнего опасался, что даже Рина не станет внимать его подозрениям.

— Более того, — продолжил мужчина, автоматически потянувшись к своему портсигару, но одернул себя в последний момент, — во время работы в заповеднике сотрудники ни попасть к тем людям не могут, ни узнать, что происходит. Охрана никого не пускает, мол, не положено и доставкой пропитания теперь занимаются отдельные лица. Да вот только этих «лиц» никто ни разу не видел даже мельком, включая, вероятно, и стражу.

— А знаете, что самое страшное для нас, верия?

Рина повернула голову. К ней обратился молодой человек, один из тех, кто сидел за столиком ближе всех к барной стойке. Он выглядел не старше Авериса, разве что уродился немного повыше строптивного жнеца. Рина невольно задалась вопросом, со скольких лет тут начинают активно помогать родителям, братьям и сестрам в их непростых обязанностях. Впрочем, в таких удаленных и отрезанных от большого общества коллективах подобное не было чем-то из ряда вон.

Он не решался подойти без позволения, но, видимо, словесно не смог себя сдержать — на лице у него читалась явная тревога. Рина лишь склонила голову вбок, молча показывая, что слушает его.

— Тишина, — горько сказал паренек. — За границей естественного поселения полгода как стоит полная тишина. Мы же тут не первый день все работаем, помним, как до этого было. Нам нельзя тесно контактировать с этими людьми без их прямого желания, но к их границам я бегал еще мальчишкой и с тамошними пацанами играл. Даже не заходя за «черту», всегда был слышно хоть что-то: голоса, шаги, звуки мастерской кузнеца, что стояла всегда прямо у границы. Ночью можно было за воротами свет факелов или костров разглядеть. Гуляния праздничные, в конце концов, всегда были! И кого-то из нас редко, конечно, но звали на праздники. Да, они всегда своеобразными были, со своими заморочками и укладом жизни, но люди все-таки. Жили свои жизни, говорили, работали, ходили, звуки какие-то издавали. После нападения еретиков они стали потише, перестали к нам выходить, ничего больше не просили и вестей не передавали. Мы сначала думали, что они просто напуганы произошедшим — в их маленьком мире подобное зверство вообще в первый раз случилось. Но с тех пор как поставили охрану, от них вообще ни звука слышно не было.

— Вы не пытались связаться с вышестоящими органами? — спросила Рина, когда поток эмоций у бедного парня иссяк.

— Пытались, разумеется, — вздохнул Каймер. — Да только я боюсь, что все наши письма Симон перехватывал в свои загребушие руки, а когда старшие работники поехали в Торикану, чтобы обратиться в природный департамент, их просто развернули. Мол, все отчеты мы получаем, не беспокойтесь. «Доступ посторонних был запрещен по требованию старосты естественного поселения. Глава заповедника имеет право не оглашать открыто эту информацию во избежание ненужных конфликтов. Просим отнестись с уважением и пониманием к их уединению» — вот и весь ответ, который нам дали, когда мы уже лично к ним пришли. Возможно ли такое в действительности? Да возможно, конечно, но как-то все... не складывается. Доказательств у меня нет, но вас они уж точно не смогут не пустить, верия. Сходите к людям, умоляю вас. Если все не так, как я думаю — готов поклясться, что больше не буду ставить Симону палки в колеса. Поймите меня, я ведь за этими одиночками тридцать лет присматривал, хоть и издалека по большей части. В Жерло Бесов и заповедник этот, и должность, но там же люди! Живые люди! Если Симон действительно что-то скрывает и держит их там за закрытыми воротами, то нужно ведь что-то сделать!

На последних словах голос у Каймера предательски дрогнул. Мужчина сжал кулаки и устало повесил голову, уткнувшись глазами в каменную поверхность столешницы. Плечи у него едва заметно подрагивали, а сам он еле сдерживался, чтобы не выпустить месяцами копившуюся бессильную ярость наружу.

Рина и не таких актеров успела повидать, взять хотя бы тех еретиков из этой самой деревни. Уж где драма была, так на их суде. И плакали, и кричали, и умоляли, клялись и божились, что не похищали детей и уж точно не собирались их никуда вывозить. И вообще, мол, не помнят ничего: ни как скрывались от погони жнецов, ни как проникли в заповедник. Они, как выяснилось, были вообще местными Норами и Гарсиями¹⁶, грабили лишь особо богатых

¹⁶ Легенда о Норе и Гарсии — старая сказка о паре разбойников, что во времена кровопролитной войны между Большим

аристократов крупных городов и всегда чистили совесть — часть награбленного подкидывали бедным и зачастую бездомным людям. Из самых добрых побуждений, разумеется.

Но что-то внутри подсказывало ей, что этому стойкому мужчине, который пережил, вполне вероятно, абсолютно незаслуженное унижение, сумев сохранить свой авторитет и достоинство, все же можно верить. Во всяком случае, в одном он точно был прав — его слова легко проверить. Она и так косвенно собиралась это сделать изначально.

Рина отодвинула от себя пустую тарелку, но не успела ответить Каймеру и хоть как-то успокоить его — снова раздалась трель дверного колокольчика. Послышалось осторожное и тихое шарканье, а вслед за ним — характерное шуршание особой ткани, из которой изготавливали мантии жнецов. Рина не сдержала довольной улыбки — явились-таки. И судя по выжидающему молчанию, урок наконец усвоили. Аверис и Эмили стояли в дверях, словно напуганные хорьки, и робко поглядывали на временную наставницу, видимо, задаваясь вопросом, последуют ли еще какие-то этапы наказания или нет. Поведение, конечно, жнецов абсолютно недостойное, особенно в присутствии такого количества гражданских, но все посетители заведения тактично сделали вид, что не заметили смущенных и напуганных детских лиц. Лишь вежливо поприветствовали молодых жнецов. Рина скосила глаза на Каймера, тот, в свою очередь, смотрел прямо на нее, очевидно ожидая какого-то ответа и, судя по снова блеснувшей в глазах отцовской нежности, распоряжений насчет обеда для блудных детей. Жница лишь тяжело вздохнула и махнула рукой куда-то в сторону кухни:

— Дайте им что-нибудь поесть, пожалуйста. А потом мы отправимся в заповедник. Я посмотрю, что можно сделать.

и Малым материками грабили богатых и раздавали награбленное бедным и пострадавшим. Нор и Гарсия являются также именем нарицательным для указания на высшую степень любви между мужчиной и женщиной: по легенде они были столь преданы друг другу, что не только были вместе до самой смерти, но даже сражались, словно единый организм и разум, и потому были столь неуловимы. В Торикане и ее окрестностях распространена версия легенды, в которой Нор и Гарсия были посланы Создателем, чтобы облегчить страдания людей, помочь им узреть истину и бессмысленность кровавой бойни. А после войны сменили имена и стали первыми в истории жнецами.

Глава 3. Опустошение

«...Жнец всегда должен проявлять милосердие и руководствоваться собственной совестью и разумом, а не вспышкой гнева. Даже сталкиваясь с опасным еретиком, жнец должен помнить – перед ним человек. Любимое творение Хозяина. Пусть в этой жизни его душа запятнала себя ересью, у нее будет возможность расплатиться за это и очиститься следующей. Обнажать косу и применять нашу силу нужно крайне осторожно, чтобы не перейти черту насилия и тирании. Однако если еретик имеет наглость поднять руку на волю Хозяина, коей вы и являетесь, вы не должны колебаться. Порядок и закон всегда стоят выше жизни еретика, который не уважает законы своего Создателя».

Выдержка из Кодекса Жнецов

Белладонна представляла собой почти буквально островок цивилизации на много сотен километров заповедника вокруг. Если бы Рина смогла сейчас посмотреть на себя и двух плетущихся за ней жнецов с воздуха, то увидела бы, что город обогнут густыми кронами деревьев по полукругу, словно сам лес защищает тех людей, что заботятся о нем на протяжении уже огромного количества поколений. Потому ли в Белладонне многие здания были построены в форме месяца или это просто своеобразное дизайнерское решение – Рина не знала. Зато, пока они шли к центральному входу в заповедник, обнаружила, что была бы совсем не против тут жить, будь у нее такая возможность. После душной и чопорной столицы, где аристократы со своей фамильной гордостью застыли во временах слишком далеких, в Белладонне ей легче дышалось. Не только из-за вполне физического избытка кислорода, но и в душевном плане. Дети бегали от дома к дому, перебегали улицы, носились по всем уголкам небольшого городка и, кажется, знали каждого человека в этом не самом большом мире. Молодые парочки гуляли в центральном парке, держались за руки и обнимались, не страшась обвинений в излишней публичности. Ученики, если судить по их идеально выглаженной форме, бежали мелкой кучкой с уроков, что-то крича, смеясь и энергично толкаясь. Откуда-то из-за угла дальнего дома потянулся запах свежей выпечки, и почти половина людей на улице от мала до велика радостно побросали свои дела и поспешили за вкусными послеобеденными булочками.

Рина порой задавалась вопросом, почему Хозяин так редко вмешивается в дела людей и часто не дает ответа даже на самые волнующие всех вопросы. Но смотря на этот маленький «сад эдема», любовно обнимаемый кронами вековых деревьев, который люди построили сами, без вмешательства не только Создателя, но и внешнего мира... Кажется, она начинала что-то понимать.

Даже три черные мантии не могли отвлечь людей от их повседневной рутины. Аверис и Эмили за спиной у временной наставницы удивленно переглядывались, не привыкшие к абсолютному отсутствию хоть какого-то внимания, но Рина лишь спокойно и уверенно шла вперед. Она много где побывала на Большом материке и отлично знала, что люди не то чтобы не обращают внимание – предпочитают не замечать и не мешать. Везде, кроме помешанной на их личностях столице, считалось неправильным преграждать жнецу проход, обращаться без надобности или акцентировать лишнее и во многих случаях выдающее с головой внимание на черной мантии.

— Почему у меня такое чувство, что мы вдруг сделались невидимыми? — шепнула Эмили Аверису, который, судя красноречивому молчанию, сам не знал ответа на ее незамысловатый вопрос.

— Потому что таковыми и должны быть, — ответила за него Рина, замечая вдалеке нужный указатель входа. — Вероятно, вам еще этого не рассказывали, но за территорией Ториканы и окрестностей люди старательно игнорируют жнецов, покуда мы сами к ним не обратимся или не придем.

— Люди в той забегаловке вели себя иначе...

— Они были в отчаянии и ухватились за нас как за последнюю надежду. Не путай теплое с мягким.

— Но почему такие... нравы за пределами столицы? — поинтересовался Аверис, старательно подбирая слова. — Разве жнецов не везде уважают?

— Ты считаешь это проявлением неуважения? — усмехнулась Рина, остановившись у главных ворот Густых Лесов и посмотрев на молодого жнеца исподлобья. — Полагаю, на Малый материк вас не возили даже на экскурсию. А что касается «почему» — даю возможность тебе об этом подумать самостоятельно, пока будем идти по заповеднику. Путь длинный, погода хорошая. Вместо того, чтобы болтать или спорить, лучше потратьте это время на самообразование. Когда поедем обратно, расскажешь мне о том, что надумал. Это, если что, вас обоих касается.

Аверис с Эмили активно закивали и смирным гуськом потянулись вслед за старшей к одному из стражников, что охраняли ворота. Рина была крайне довольна собой — теперь эти двое точно будут тише воды ниже травы всю дорогу, да еще и она снова подкинула им пищу для ума. Кажется, в этом раунде ей удалось реабилитировать свои наставнические навыки хотя бы немного.

Стражники смотрели прямо на нее с легким налетом тревоги в глазах. Рина еще раньше заметила — мужчины следили за ними взглядом с тех пор, как трое жнецов появились в поле их видимости. И, вероятно, молились Хозяину, чтобы те прошли мимо. Но как это обычно бывает, когда пытаешься избежать неприятной для себя ситуации — молитвы услышаны не были.

— Верии, вэр, доброго дня, — пробасил один из них.

Он кашлянул и снова открыл рот, видимо, намереваясь спросить, с чем они пожаловали, но в результате смолчал, опасаясь проявить неуважение.

— И вам доброго, мейры. Нам нужно пройти в заповедник, вот разрешение, — Рина передала страже конверт с гербом Замка.

На секунду стражник, которому она передала письмо, замешкался, но все же принял шершавый пергамент в следующее мгновение. По их лицам и взглядам можно было уловить лишь небольшое волнение, но вот язык тела выдавал неопытных бойцов с головой. Ей казалось, что рукояти их мечей треснут под давлением стиснутых кулаков. Чего эти двое вояк так опасаются, интересно? Рине вдруг вспомнились слова Каймера о том, что охраной теперь занимаются исключительно люди Симона Барена. Может ли подобная неоправданная нервозность подтверждать беспокойство старого главы?

Несколько секунд взявший у Рины письмо страж смотрел жнице в глаза и, кажется, взвешивал все «за» и «против» какого-то только ему известного решения. А потом отступил и вернул ей конверт, даже не распечатав его. Напарник последовал его примеру, правда, все же более нерешительно. Он тихо простучал по воротам какой-то определенной комбинацией, и с той стороны послышался звук заработавшего механизма. Ворота с тяжелым скрежетом постепенно начали открываться.

— Верия, нужно ли нам оповестить вэра Барена о вашем прибытии на случай, если его присутствие понадобится? — негромко спросил нерешительный. Да настолько негромко, что Рина едва услышала его голос за грохотом открывающейся стали.

— Если хотите – сообщите, — бросила Рина ему небрежно. — Я не нуждаюсь в его присутствии, мы здесь по делу о диких животных.

И шагнула вперед.

Вслед за ней семенили два ученика, казалось, такие же молчаливые и послушные, как и две минуты назад. Но Рина почувствовала, как оба они напряглись после ее слов.

Шаг за шагом они удалялись от ворот по широкой тропе вглубь леса, пока не послышался последний скрип железа. Ворота за ними закрылись, и Рина остановилась перед прямо посреди тропы, заставив жнецов за ней замереть в недоумении.

— Что заметили? — спросила она, прислушиваясь к звукам нетронутого людьми леса.

— Они очевидно расслабились, когда вы сказали про дело о животных, — отозвался Аверис с непривычной для него серьезностью в голосе.

— Точнее, один из них даже почти открыто выдохнул, — добавила Эмили. — Тот, который отошел с дороги первым. А второй лишь прикрыл глаза на секунду, словно все еще пытался держать лицо собранным.

— Или разум, — кивнул Аверис.

— Или разум.

Рина улыбнулась. Ну, хоть что-то они знают. Внимательности им было очевидно не занимать, а это главный базис для любого жнеца. Значит, все-таки не безнадежны. Судя по отсутствию вопросов, они прекрасно поняли цель ее маленькой лжи. Симону Барену и его людям определенно есть что скрывать. Интуиция Каймера не обманула.

— До естественного поселения отсюда пол дня пути, — доложила Рина. — Дойдем до ближайшей базы работников и там заночуем. А заодно посмотрим, не пойдет ли кто-то за нами. Может, люди Симона и поверили нам, но сам он явно не настолько наивен.

Густые Леса по праву считались одним из самых прекрасных мест большого материка. Природа здесь была почти нетронута, осталась чуть ли не в том виде, в каком ее сотворил Хозяин. Когда столица начала разрастаться, а ближайшие к ней поселения - развиваться следом, указом божественной воли было приказано огородить этот гигантский лес от всего людского вмешательства. Почему именно его, доподлинно никто не знает, но то тут, то там в народе можно услышать разные байки: то здесь были сотворены первые люди, то первые животные и птицы, то родился первый человеческий ребенок. Рина же всегда считала, что на самом деле Хозяин просто не хотел лишать дома такое огромное количество живых существ. Если бы начали вырубку лесов, кто знает, сколько их жителей погибло и лишилось бы возможности к нормальному существованию. Люди почему-то эгоистично привыкли считать себя выше братьев и сестер своих меньших, но правда в том, что Хозяин не делает разницу между живыми душами. Для него важны все, и должны быть пределы людской жадности.

Жнецы шли в молчании, слушая голоса птиц, переливающийся в густых кронах шум ветра и шуршание земли под ногами. После бесконечного гомона Замка и Ториканы здесь действительно был почти «сад эдема», оплот молчания и природной власти. Рине казалось, что просто побывав в таких местах, можно понять Хозяина лучше, чем изучив все его наставления жнецам на страницах Кодекса. В оплотах изначальной природы была своя, особая истина жизни, которую людям, смотрящим лишь на белоснежные крыши лар, никогда не постичь. Рина наклонилась к одному из кустов смородины, наблюдая за ползущими стройным рядочком муравьями, и краем глаза заметила, как Аверис и Эмили, задрав головы, заворуженно смотрят на листовые кроны, что загораживали даже всеведущие лучи солнца. Они стояли столь близко друг к другу, и мимолетным взглядом Рина успела заметить, что двое заклятых друзей держатся за руки. Растянувшую щеки улыбку пришлось спрятать ладонью.

Кажется, истина их «вражды» была намного ближе и доступнее, чем она себе представляла.

Час пешего пути протек, словно густой и сладкий мед, незаметно и безмолвно перетекающий из секунды в секунду. Вроде только что за спиной захлопнулись ворота - и вот перед ними уже вырос маленький каменный домик, что служил приютом для следящих за природой работников.

— Здесь остановимся.

Рина услышала за спиной два удивленных вздоха. Аверис и Эмили успели полностью погрузиться в созерцание и, судя по характерному шороху двух мантий, аж отшатнулись друг от друга, едва вернулись в реальность. Рина даже расстроилась немного, что своей неосторожной фразой нарушила их редкий момент единения. Аверис как-то неловко кашлянул и шагнул вперед, осматривая незамысловатое жилище. В тени деревьев оно казалось каким-то неестественным посреди всей этой природы, как будто его впихнули сюда насильно, абсолютно не озаботившись антуражем.

— А где люди?... — тихо спросила Эмили из-за спины у Риной.

— Возможно, ушли на вечерний обход.

Деревянные ступени крыльца жалобно скрипнули под ее походными сапогами. Рина поднялась к входной двери первой, жестом приказав Аверису и Эмили стоять на месте. Лишь одного движения пальцев хватило, чтобы открыть уже подгнившую дверь. Изнутри дома сразу пахло сыростью.

Коридор был пустым и темным, а в купе с ярким и не самым приятным запахом создавалось впечатление, что здесь уже очень давно никого не было.

Рина никогда не считала себя параноиком, но тут не лишним было бы в буквальном смысле накинуть на голову капюшон и забыть расхожее столичное выражение ко всем бесам в Жерле. Все события сегодняшнего дня забирались под кожу раздражающим шипением тревоги, и чем дальше, тем подозрительнее все становилось. Жница уже было решила, что умиротворяющая прогулка по лесу окончит этот маскарад, но, кажется, это был лишь переход во второй акт.

Пугать Авериса и Эмили на их первом учебном выезде ей совершенно не хотелось, как бы сильно они ее ни бесили. Но все же... лучше уж напугать, чем потом смотреть, как в них летят снаряды из мушкетов. Рина показательно накинула на голову капюшон, и почти почувствовала, чем услышала, как два ученика сзади затаили дыхание. Наверное, для них это было равносильно сигналу тревоги. Жница тихо шагнула внутрь здания, крепко держась рукой за древко косы у себя за спиной. Коридор, первая комната, вторая... Ничего, абсолютно тихо и пусто. Рина передвигалась почти бесшумно, и даже неопытные жнецы у нее за спиной шагали беззвучно, но она так и выпетила из общей тишины хоть какой-нибудь звук.

— Все чисто, — резюмировала Рина. — И судя по всему, уже далеко не первый день.

— Зачем вы надели капюшон на голову? — в голосе Авериса слышалась едва заметная паника. — Это же делают только в случае опасности?

— Лучше перестраховаться, чем получить по голове или в голову чем-то фатальным, тебе так не кажется? Помни, что броня у тебя только в мантии, ты сам из плоти и крови, обычный человек.

— Нас учили, что такая мера должна использоваться только при непосредственной угрозе, — негромко возразила Эмили.

— Конечно, потому что надетые капюшоны вызывают у людей панику. Особенно в Торикане. А здесь вы кого собрались пугать?

Рина устало закатила глаза, когда Аверис и Эмили лишь удивленно переглянулись. Такое чувство, что сегодняшний день тянулся уже целую вечность...

— Чем раньше вы начнете думать головой, а не слепо следовать правилам, тем проще вам будет учиться. Семья Рейст не просто так свой хлеб ест, веками изготавливая для вас эти бронированные тряпки. Если своя жизнь не дорога, так хоть людскую работу уважьте.

Рина продолжала говорить, обходя маленькую хижину по периметру. Ничего интересного: две комнаты, отхожее место в маленькой пристройке да маленькая веранда. Для такого перевалочного пункта большего и не надо. Но выглядело все действительно заброшенным. Везде пыль, нигде никаких вещей, даже на двух деревянных кроватях и матрасов-то нет. Это место работниками заповедника явно давно не используется, и это странно – ведь оно находилось в часе ходьбы от главных ворот.

— Ладно, все. Хватит с вас на сегодня нравоучений, — огласила Рина и уловила два облегченных вздоха у себя за спиной. — Мы остаемся здесь ночевать. Завтра с рассветом выдвигаемся по дороге в естественное поселение. Можете раскладываться и отдыхать.

— Но, мера, вам не кажется странным, что такой близкий к главным воротам пункт совсем заброшен? — снова подала голос Эмили.

— Кажется, но на это может быть очень много разных причин, — пожала плечами жница. — К примеру, могли сменить маршруты обходов для сотрудников, и этот перевалочный пункт больше не стоит на одном из них. Разбирать – мороки много, еще может пригодиться, вот и оставили. Не спешите искать подвохов там, где его может и не быть.

Эмили больше не стала спорить. Вот чего у них с Аверисом было не отнять, так это проворности. Двум молодым жнецам хватило всего нескольких минут, чтобы достать из рюкзаков спальники, принадлежности для умывания, какие-то сухпайки собственного приготовления и даже горелку с кастрюлькой. Рина мысленно отметила себе, что, кажется, сделала поспешные выводы об уровне их подготовленности. Да, никто из них не озаботился целью поездки, но с такой провизией они бы, в целом, могли и в условиях куда хуже несколько дней протянуть.

Рина лишь успела вытащить из сумки лампу, зажечь в ней аль¹⁷ и приготовить себе спальное место, а Аверис с Эмили уже вовсю что-то готовили на своей горелке. Пахло безумно вкусно и крайне знакомо: заранее отваренная и спрессованная лапша вместе с кучей специй. В кипятке она разваривалась и снова становилась мягкой и пригодной в пищу, а в котелок к ней добавляли дополнительно нарезанные овощи и таким же образом подготовленное мясо. Такое блюдо звали «болтушкой», и оно во все времена было очень популярно у жнецов низких рангов, особенно на длинных миссиях. Рина и сама не заметила как на лицо полезла улыбка – она уже давно ничего подобного не готовила.

— Вы поаккуратнее с болтушкой, — сказала она, наблюдая, как Аверис разливает вкусно пахнущий бульон вместе с лапшой по тарелкам. — Желудок посадите.

— Хотите?

Аверис невозмутимо протянул ей еще одну тарелку, и Рина не нашла в себе ни одной причины отказаться от этой вредной, но такой, зараза, вкусной похлебки. Ей вроде давно уже не четырнадцать, а все равно детские желания потравиться аппетитной дрянью никуда не деваются.

Несколько минут они ели в тишине, и слышны были только тихое чавканье да стрекот сверчков где-то за стеной дома. Рине почему-то это напомнило ее первый учебный выезд... Тогда Харан ее, двенадцатилетнюю неумеху, вывел в дикий лес – совсем не заповедник – и на практике вбивал в нее все знания по выживанию в свободном плавании. Он лишь наблюдал за ней, даже практически не подсказывал, ходил изваянием у нее за спиной, чтобы она уж совсем не раскисла и не напугалась. Да и то, Рина была уверена до сих пор, что ему просто запретили наблюдать с расстояния. Была бы его воля – он бы имитировал полевые условия с ювелирной точностью, а сам бы тенью ходил по ее следам, лишь для уверенности, что столкновение с дикими животными не станет фатальным. Впрочем, все равно после выезда на

¹⁷ Аль - маленькая сфера, в которой заключено очень небольшое количество божественной энергии. Благодаря ей сфера, в том числе, может давать свет. Это единственная форма божественного, к которой имеют доступ обычные люди. Али используется в светильниках, фонарях, для работы хун, поездов, ведан – всего, для чего требуется источник энергии. Работать и устанавливать али могут только работники СПЕКТРА или жнецы специализации Защиты.

голове у этой самой ученицы появилась парочка седых волос. Она в первый раз столкнулась со стаей оголодавших в зиму волков, и отбиваться от них пришлось самостоятельно. Харан даже не дернулся в ее сторону, пока последний из зверей не пустился наутек, подворачивая под себя порезанную косою лапу. А потом наблюдал, как она дрожащими руками разводила огонь в горелке и готовила ту самую болтушку на них двоих. Они также сидели в тишине, которая нарушалась лишь завыванием ветра, чавканьем... И тихими всхлипываниями Рины, которые от пережитого испуга она не могла сдержать. Она тогда глотала слезы, как могла, и намертво вцепилась пальцами в спиральный кулон на груди, но Харан так и не утешил ее. Не обнял и даже не сказал хоть слова, как делал обычно, когда она была совсем маленькой. Но и плакать не запретил: просто сидел и смотрел на ученицу своим ярко зеленым пронзительным взглядом. Периодически почесывал бороду и доливал ей бульон в тарелку. Она никогда не считала Харана жестоким человеком или чрезмерно строгим наставником. Рина до сих пор думала, что тот выезд и ему дался не так легко, как он показывал... Просто это был его способ донести до нее, что пришла пора взрослеть.

— Рина...

Жница дернулась – голос Эмили выдернул из задумчивости и воспоминаний резко, моментально заставив вернуться в реальность. Ее невольные ученики уже разложили спальные матрасы около горелки и даже умудрились переодеться, а она так и сидела с ложкой около рта, пустым взглядом смотря в огонь и все перебирая пальцами шершавые завитки на своей зеленой подвеске.

— Все нормально, я просто задумалась, — вздохнула она и одним махом опрокинула в себя остатки бульона. — Вы уже спать собрались? Время-то детское.

— Мы обычно рано ложимся, — пожал плечами Аверис. — Привычка такая, я еще лет с десяти встаю не позже рассвета.

— А я просто долго сплю, — пояснила Эмили. — Если ложусь четко в ученический отбой, все равно не высыпаюсь. Поэтому так привыкла.

Рина решила оставить при себе комментарии о том, что такой выверенный режим полетит в так обожаемое Аверисом Жерло Бесов, как только у них начнутся *реальные* учебные выезды. Не сказала, потому что в этом не было смысла: пока есть возможность, пусть отсыпятся на здоровье. А во все остальное их посвятит уж настоящий наставник.

— Красивое у вас украшение, — Эмили кивнула на яркую маленькую спираль, которую Рина крепко зажала между костяшками. Та поблескивала в свете огня и отливала ярким зеленым сиянием, наверняка привлекая острый взгляд молодой девушки.

— Это... давний подарок от моего наставника, — улыбнулась Рина, не найдя в себе никакого желания скрывать происхождения маленькой безделушки. — Он когда-то купил его на столичном рынке.

— Все равно красиво, — довольно кивнула Эмили. — Я... Мне просто кое-что не дает покоя во всей этой истории с заповедником... Можно высказаться?

— Говори, конечно.

— Это насчет тех охранников у главных ворот, — Эмили скрестила ноги и задумчиво подперла щеку рукой. — Я недавно начала читать учебники по Охране, и там как раз была глава про охраняемые божественной волей зоны. Есть четкие правила по распределению стражи в подобных местах. Например, если это заповедник, то у главного входа должны стоять не меньше четырех человек стражи. Два с внешней стороны, два с внутренней, и, по возможности, еще два – на смотровых вышках, если они имеются. Но мы видели только двух охранников.

— На деле эти правила не всегда соблюдаются, — пожала плечами Рина. — Но похвально, что ты о таком знаешь.

— Но разве... Разве это не ересь?

— Нет, это нарушение. Длина самодельных прилавков на деревенских рынках тоже регламентирована уставом торговли, тем не менее, никто там с рулетками не ходит. Я понимаю, что это не одно и то же, но не всегда возможно соблюсти все правила. Особенно в подобном удаленном месте, куда люди не особо охотно идут работать.

Эмили заметно поникла. Рина еще по дороге до ворот заметила, как оглядывалась по сторонам молодая жница, как будто бы что-то искала. Она не могла знать наверняка, но, возможно, Эмили отчаянно хотела реабилитироваться после того, как утром Аверис ее опозорил. Найти что-то такое, к чему можно применить свои знания, как напарник сделал с барьером, и доказать, что она и ее специализация вовсе не бесполезны. Рину это не удивляло: желание выглядеть лучше в глазах старших было абсолютно естественным и не только для жнецов. Что ее действительно поражало, так это, что Эмили до сих пор разговаривала с Аверисом после его утренней выходки. У нее у самой никогда не было напарника, – Харан крайне избирателен в учениках – но будь он и скажи нечто подобное в сторону специализации «Разведка», она бы просто так это не забыла. Впрочем, сейчас Аверис тактично молчал. Понял, что сболтнул лишнего?

— Это не значит, что ты не права, — добавила Рина после небольшой паузы. — Правила есть правила, и ты легко можешь составить отчет о подобном нарушении, когда вернемся в Замок. Если мы найдем состав преступления Барена, твои показания могут оказаться полезными и доказать его халатность. Так что лучше запомни свою мысль.

На этом разговоры перед сном были окончены, а горелка – потушена за ненадобностью. Прошло всего десять минут, и дыхания двух молодых жнецов выровнялись – они уснули быстро и крепко. Хороший походный навык, кстати. Хотя, вероятно, они сейчас так спокойны, потому что под боком лежала старшая по званию, которой, по воле случая, сегодня не спалось. День выдался поистине насыщенным на события, и Рина, наблюдая за колыхающейся на стене паутиной, пыталась соединить их все в одну линию. Лежала, лежала и думала. Мысли прыгали от одной к другой, а когда она хотела плюнуть на них и просто заснуть, не давали этого сделать: врывались в сознание с новой силой. Во всем этом что-то не складывалось, помимо очевидной подозрительности ситуации... А слова Эмили никак не выходили из головы. Шесть охранников по правилам, на посту стояло только два...

Рина резко подскочила со спальника. *Только двое.* Они видели только двух стражников, но кто-то ведь открыл ворота изнутри! Один из них постучал какой-то комбинацией по железу, и с той стороны кто-то отпер ворота. Но когда они зашли внутрь, по другую сторону никого уже не было. И с каких вообще пор для открытия поста в заповеднике нужен особый вид сигнала? Только если это не сигнал тревоги...

Внутренний гонг заверещал так бешено, что даже лежащее под рукой лезвие косы ярко мигнуло несколько раз. Потоки силы Хозяина ворвались в сознание, как и много раз до этого, предупреждая об опасности. Импульсы божественного света пронесли по нейронам в мозгу, полностью напивая собой слуховые нервы. Теперь она слышала все вокруг, даже ритмичное и медленное биение сердец учеников рядом. Секунда, две, три... И вдруг быстро приближающийся звук топающих шагов.

Три человека. Трусой бегут прямо к ним. Судя по глухому звуку ударов о землю и тихому лязганью – без брони, но с оружием.

— Подъём!!!

Рина схватила косу и ринулась в проем спальни, лишь мельком успев увидеть, как Аверис и Эмили по команде тревоги вскочили со своих мест. Божественный импульс уже иссяк, но теперь шаги на улице были слышны и без него. Они замедлились, скорее всего, услышали ее крик. Элемента неожиданности жнецы лишились, но иначе ученики без боевой подготовки не смогли бы быстро сориентироваться. Рина замерла у входа и жестом показала ученикам

держаться позади нее. Она чувствовала – трое стояли прямо за дверью. Но решатся ли теперь зайти, зная, что их засада раскрыта?

Ждать и думать было некогда, а строить план – тем более. Если Аверис или Эмили сейчас запаникуют, это может похоронить всех. Стоило тихому щелчку предохранителя раздаться с той стороны прямо под ее плечом, и она вонзила лезвие косы в ветхую стену. Острие прошло сквозь дерево, словно нож по маслу, и в следующую секунду раздался душераздирающий вопль. Крепко держа железное древко косы в руке, Рина со всей силы толкнула ногой дверь, выбив ее и столкнув двух мужчин прямо к подножью лестницы. Рука дернула косу на себя, пробивая стену человеческим телом под нескончаемые крики. Кровь брызнула прямо на лицо застывшим ученикам, а еретик затих мгновенно, ударившись головой о косяк напротив.

— Держи его!

Рина крикнула это в воздух, и, выдернув косу из руки бессознательного, в два прыжка оказалась рядом с двумя другими. Пытаясь подняться, один ухватил ее за лодыжку; лезвие косы вспоролو землю, и отрубленная кисть тут же была ногой откинута куда-то в сторону. Лес снова поразил истошный крик, и быстро стих под натиском удара тяжелого древка. Рина дернулась в сторону второго мужчины, но тот даже не двинулся. Из-под его затылка сочилась быстро смешивающаяся с травой кровь. Все обезврежены.

— Проверьте пульс у того, что с раной на голове. Достаньте аптечки. Наложите жгуты на руки двоим и убедитесь, что они живы. Если кровь остановилась и дышат – свяжите и оставьте здесь. Они понадобятся в качестве свидетелей. Все поняли?

Аверис и Эмили были все забрызганы чужой кровью и прижимали косы к груди, словно самое дорогое сокровище. Но информацию воспринимать могли: дружно покивали.

— Тогда вперед!

Ученики сорвались с места, поспешив выполнять поручения. Рина нащупала в рюкзаке свою ведану. Маленький цилиндр коротко мигнул, признав нужное прикосновение, и раскрылся, тут же являя ее взору синюю голографию сообщения тревоги.

«Заповедник Густые Леса, на нас напали. Кол-во противников – неизвестно. Вооружение – неизвестно. Обезврежены три человека. Со мной два жнеца ученического ранга без боевой подготовки. ПОДКРЕПЛЕНИЕ СРОЧНО»

Рина прокляла себя за то, что не взяла с собой никакого боевого снаряжения, кроме косы. Судя по всему, не сильно она и лучше Авериса и Эмили в контексте подготовки... Ведана была отправлена мгновенно. Схватив рюкзак, жница быстро выскочила на улицу, по пути заметив, как связанные еретики были уже уложены в коридоре. Аверис и Эмили ждали ее на крыльце в полной готовности.

— Что с ними?

— Один мертв, два живы, — отчеканил Аверис. — На всякий случай связали всех, если ошиблись с пульсом.

— Молодцы... Так, без паники! — рывкнула Рина, видя, что ученица уже готова разрыдаться. — Какой протокол в таких ситуациях? Эмили, отвечай быстро и не думай, ты должна это знать!

— Пр... при чрезвычайной ситуации на учебном выезде, ученики должны считать любого... с...старшего жнеца прямым наставником и... подчиняться всем приказам... беспрекословно... — запинаясь, вымолвила жница. — И... и... не поддаваться... панике.

— Вот именно. Я уже вызвала подкрепление. Мы прямо сейчас идем в естественное поселение. Нигде не останавливаемся, не медлим, стараемся себя не выдавать. Если пришли эти – придут и еще. Наша задача – сделать все, чтобы они не смогли зажать нас в одном месте.

— Чего они хотят?..

Рина тяжело вздохнула и мрачно взглянула на перепуганных подростков. Врать бы им не стал ни один наставник.

— То же, что и все, кто смеет нападать на жнецов. Похоронить нас здесь.

Идти в темноте и сырости ночи задача нелегкая, а дополнительно выглядывать с каждой стороны угрозу, когда у тебя за спиной топают две косынки¹⁸ – практически невыполнимая. Рина шла чуть ли не на ощупь, полагаясь лишь на свою память двухлетней давности и обостренные силой Хозяина чувства. Доставать карту и сверяться с ней было слишком опасно, они действительно не в том положении, чтобы отвлекаться даже на минутную задержку.

— Все будет хорошо...

Она услышала шепот Авериса сзади и даже позволила себе улыбнуться на долю секунды: крепкий. Путь выбрал правильный, главное, чтобы он сегодня не оборвался. Но что-то Рине подсказывало, что это сейчас зависит только от нее.

Она не знала, сколько они почти бежали по темному лесу, но этот путь показался намного короче, чем в прошлый раз, когда она была здесь с Хараном и другими жнецами. Подгонял адреналин и отвратительное чувство того, что в данный момент никто помочь ей не может. Когда прибудет подкрепление – неизвестно. Даже на экстренном составе «Беллы» потребуется не один час, чтобы сюда добраться. А потом их еще должны будут найти в лесной глуши...

Скорый пеший путь ощущался быстрым и стремительным, как будто в своих крепких походных сапогах они практически летели. Однако когда вдалеке, за деревьями показались ворота естественного поселения, ночь уже давно рассеялась, уступив место теплым утренним лучам солнца. Рина не могла не заметить, как испуганные ученики у нее за спиной заметно расслабились, увидев на востоке отблески рассвета. А когда свет начал проникать в самые густые кроны, словно благословение Хозяина, совсем перестали спотыкаться. За все это время они не встретили по пути ни одного еретика, что попытался бы преградить им путь. Это могло значить две вещи. Первая: их потеряли после первой атаки и не смогли найти в бесконечной лесной чаще. Вторая: за этими воротами их ждала ловушка. И как бы ни хотелось Рине логически поверить в первое, природная мнительность указывала на второе.

— Мы туда зайдем? — тихо спросил Аверис, когда они, спрятавшись за вековыми стволами, пытались осмотреть прилегающую к границе поселения местность.

— Я зайду, — ответила Рина после секундной паузы.

Вести молодняк на убой она не собиралась. Они не имеют понятия, сколько там еретиков, чем они вооружены и насколько отчаялись. Существовала огромная вероятность, что Рина бы просто не смогла защитить учеников. Но и отсиживаться здесь, ожидая подкрепления, тоже не выход. Еретики уже попытались застать врасплох и убить их во сне, значит, сейчас точно не отступят. Не придут сами – будут искать. И с учетом фактического местоположения, очень быстро найдут, зажмут в кольцо. Нужно было попытаться туда незаметно пролезть и хотя бы оценить риски. А в крайнем случае, она сможет отвлечь внимание на себя.

— Вы сидите здесь. Не высовываетесь, не шумите и даже громко не дышите. Косы наготове. В случае угрозы – бейте, не думайте. Потом на плацу всем сокурсникам нос утрете.

Ученики нервно переглянулись, но приказ есть приказ. Рина и сама понимала, что весь этот план дышал на остатки жизни в Смертельных Льдах, но другого не будет. И Аверис с Эмили это прекрасно знали.

¹⁸ Аль - маленькая сфера, в которой заключено очень небольшое количество божественной энергии. Благодаря ей сфера, в том числе, может давать свет. Это единственная форма божественного, к которой имеют доступ обычные люди. Али используется в светильниках, фонарях, для работы хун, поездов, ведан – всего, для чего требуется источник энергии. Работать и устанавливать али могут только работники СПЕКТРА или жнецы специализации Защиты.

Трава под ногами едва слышно шуршала, пока Рина короткими перебежками двигалась вдоль забора, пытаясь найти хоть какую-нибудь щель, через которую можно было бы пролезть. Она помнила, что в прошлый раз строение выглядело куда более крепким. Доски за два года поизносились и даже где-то начали гнить – все указывало на то, что постройкой уже давно никто не занимался. В свете последних нескольких часов это и так было очевидно, но теперь она убедилась окончательно – подозрения Каймера вовсе не были беспочвенными. Ломать доски Рина не решилась, можно было привлечь нежелательное внимание. Но этого и не понадобилось: забор просто кончился. Ровные ряды ветхих деревяшек резко сменили обуглившиеся остатки заграждения. Короткие куски досок торчали из земли, а покрывшая их давняя копоть была заметна даже сквозь слой наросшего мха. Было такое ощущение, что в этом месте что-то рвануло.

— Да что же здесь случилось, Хозяина ради?! — прошипела Рина себе под нос.

Почти ползком, стараясь скрыться в мелкой траве и обломках, Рина проползла за забор. Прямо рядом с поврежденными досками стояло то, что, вероятно, когда-то было каменным домом. От него не осталось даже целого каркаса, лишь несущая стена сохранила свою конструкцию да прилежащие к ней несколько рядов камней. Все вокруг заросло травой, но в углах еще можно было увидеть черную угольную пыль и маленькие кучки, скопления чего-то, похожего на пепел, которые, вероятно, нанесло сюда ветром. Рина змеей проползла по земле и прижалась к поверхности сохранившейся стены, аккуратно, одним глазом выглянув наружу.

В этот момент она поняла, что Каймер был не прав в своих предположениях. Все оказалось куда хуже, чем он думал.

Если бы Рина не знала, где находится, то никогда бы не приняла это место за ту оживленную деревеньку. Ее взору предстала опустошенная улица, на которой не осталось *ничего*. Ни людей, ни животных, ни домов. Остатки разрушенных зданий давно отвоеваны природой, как и ранее протоптанные дороги. Раскиданные по улице камни были оплетены целой паутиной из пробившихся наружу корней. Стоявший в центре улицы колодец теперь превратился просто в дыру в земле, на которую постепенно наступали мох и дождевая вода. Где-то вдалеке Рина слышала вибрирующие крики нескольких оленей. Что бы здесь ни случилось, это поселение уже не принадлежало людям. И самих людей здесь, видимо, давно не было.

— То есть, я правильно понимаю, что жнецы зашли вчера днем в главные ворота и с тех пор их никто не видел?

— Вэр, помилуйте, здесь какая-то ошибка! Я понятия не имею, что случилось с вашими людьми! Мне передали, что они пришли по делу о диких животных, с чего мне им мешать?!

— И поэтому моя ученица послала сигнал бедствия, а естественное поселение выглядит так, будто в нем произошло явление Создателя?!

Но были и плюсы в буйстве природы. По пустому пространству отлично разносились звуки. Особенно звук громкого и властного голоса ее наставника. Еще бы только понять, откуда именно... Гуляющий по лесу, незаметный даже коже ветер мог доносить звуки хоть за десятки метров. Казалось, что Харан говорил с каким-то мужчиной буквально за стеной напротив, но на деле он мог быть абсолютно в любом конце этой пустотной деревни. Рина быстро вытащила из кармана свою ведану:

«Я здесь. Слышу тебя. Барен
пытался нас убить. Это может быть
ловушкой».

Она знала, что Харан прочтет ведану, и оказалась права. Несколько секунд стояла тишина, а потом раздалась несколько рассекающих воздух свистов, и, к ее облегчению, наставник снова подал голос:

— Рина! Рина, где ты?!

— Здесь! — рывкнула она в ответ, что есть мочи, надеясь, что Эмили и Аверис это тоже услышат.

— Я иду, сиди на месте! Ты в порядке?!

Рина только набрала воздуха, чтобы крикнуть громогласное «Да!», да вот только отклик встал у нее поперек горла: его прервал оглушительный женский вой откуда-то из леса сзади нее. Внутри у Риной все похолодело, когда она поняла – кричала Эмили. Жница бросилась обратно к дереву, у которого их оставила, и пролетела это расстояние, наверное, меньше, чем за две секунды. Она замахнулась косой за мгновение до того, как обогнула вековой ствол, готовая снести нападавшему голову. Но этого не потребовалось.

Лезвие ее косы вонзилось в древесную кору, а сама она так и замерла на месте, едва удержав равновесие. Эмили вжалась всем телом в ствол соседнего дерева, и, закрыв руками рот, в ужасе смотрела на обезглавленное мужское тело, что лежало прямо около ее ног. В метре от нее стоял Аверис, весь покрытый вырвавшейся из артерий кровью. Он сжимал древко косы обоими руками так крепко, словно хотел ее сломать. Пустым взглядом смотрел на перекосившееся лицо отрубленной головы, которую сам и отсек.

Это гиблое место пустовало столь долго, что успело отойти обратно природе, и произошло это далеко не вчера. Трава и земля, наверное, уже забыли, каково это чувствовать ритмичные шаги человеческих ног по себе. Утонули в покое, тишине и редких визитах диких животных. И когда в один пасмурный день сюда опять набежала целая толпа двуногих, природе это не могло понравиться. Несколько работников заповедника, которые пришли вместе с Каймером Стилом, пришлось вытаскивать из скрытых корнями ям. Напуганные и ошалелые люди едва не свалились в колодец, который посреди всего этого хаоса казался просто большой лужей. Жнецам, что приехали вместе с Хараном, пришлось чуть ли не собственными руками убирать подальше от остатков деревни несколько осиных гнезд, чтобы тут можно было развернуть полевой лагерь. Тех самых оленей, которых недавно слышала Рина, все еще можно было увидеть вдалеке. Они стояли там почти всей семьей и смотрели на мельтешение двуногих на большой поляне. И как они топтали своими ботинками вкусную траву. К сожалению, двуногим, даже таким ответственным, сейчас было совсем не до уважения к частной жизни заповедника.

Мужчиной, с которым разговаривал Харан до поднятия тревоги, очевидно оказался Симон Барен. Когда по сигналу тревоге, отправленному Риной, незадолго до рассвета в заповедник прибыло подкрепление, их встретил нынешний управляющий. И тянул время до последнего, как мог. То дороги из-за дождей размыло, то ворота заклинило, то сотрудники все куда-то подевались. Не то чтобы Харан изначально сомневался в том, что Рина подняла тревогу не без повода, но в один момент окончательно убедился, что дело-таки гиблое. Когда во время попыток открыть ворота прибежал Каймер и чуть с ножом не бросился на Симона, все стало очевидно. Оказалось, Барен пытался заставить своих подчиненных напасть на жнецов и «не позволить им найти поселение» под угрозой подсудного увольнения и изгнания из города. Только не учел сыновью и дочернюю преданность бывших работников Стила своему «отцу». Удивительны порой бывают люди. Некоторые со страху потерять работу готовы на жнеца поднять оружие, а иные лучше окажутся на улице, чем предадут доверие безмерно уважаемого человека.

Конечно же, после такого Харан еще с несколькими жнецами просто выбили ворота тара-ном. Симона они потащили с собой, а Каймеру наказали не заходить без сигнала в заповедник: не хватало еще, чтобы пострадали гражданские. После всего случившегося Симона сразу арестовали, а на место бывшего естественного поселения привели Каймера Стила, его людей и вызвали группу жнецов Разведки для проведения первичного расследования.

Да вот только были и те, кому до всего это не было абсолютно никакого дела.

— Аверис! Аверис! Посмотри на меня! Почему он меня не слышит?!

Харан еле смог вытащить из рук у перепачканного в крови ученика его косу – Аверис сжимал ее с такой силой, что мог легко надорвать мышцы предплечья. Кое-как его удалось отвести на поляну ко всем остальным и усадить на поваленное бревно, но он не откликнулся на свое имя и продолжал смотреть вперед пустым взглядом. Было такое ощущение, словно Хозяин пробудившейся силой забрал его душу из тела.

— Ты что, серьезно? Пацан в таком возрасте смог пробудить резонанс? — скептически пробасил Харан, когда Рина рассказала ему о своей догадке. — Да он же зеленый еще совсем. Даже у тебя это вышло всего пару лет назад, и это ты уже в оперативниках ходила.

Рину всегда немного подбешивало вот это «даже у тебя» от Харана, когда они обсуждали успехи или неудачи других жнецов. Он по какой-то причине считал, что его ученица выделяется на фоне других особенно ярко. Вероятно, причиной тому была собственная гордость и тот маленький факт, что на ней он реализовывал свой нерастроченный отцовский потенциал.

— Ты вообще видел, как он тому мужику голову отсек? Одним ударом, — покачала головой Рина. — Даже будь он самым главным качком среди сокурсников, что не так, это невозможно без резонанса с силой Хозяина.

Харан с волнением взглянул в сторону замершего жнеца, вокруг которого с тревогой хлопотала его напарница. Рина даже не знала, как тут лучше отреагировать. С одной стороны, Аверис теперь станет звездой на курсе, может, даже к награде представят за спасение напарницы. Сплести в один день свою жизненную энергию с энергией косы, врученной тебе еще в юности – это неизбежный удел каждого жнеца. Это всегда происходит, в разные моменты, при разных обстоятельствах, но происходит. Но к такому еще нужно быть готовым как физически, так и внутренне. Это далеко не самый приятный и легкий процесс на свете, и, судя по потухшему взгляду Авериса, он был не готов. И это еще не говоря про то, что он убил человека в первый свой чуть ли не выходной выезд...

— Аверис...

Эмили уже явно совсем отчаялась. Она испробовала все, даже била его по руке резинкой, что вытащила из своих спутанных длинных волос. Квинтэссенция первого в жизни убийства и пробуждения резонанса совсем оторвали Авериса от реальности.

— Так, отойди. — Рина рукой отодвинула ученицу от напарника и подтащила к ногам Авериса большой камень. — На моем опыте есть один проверенный способ вывести человека из шока. Найти бы только...

Рина внимательно огляделась. Ничего подходящего на первый взгляд здесь не было, но это не значило, что не стоило посмотреть дважды. Пять минут поисков, и в развалинах одного из зданий она обнаружила помятое черное от копоти железное ведро. То, что нужно.

— Что вы делаете?!

Эмили была снова отпихнута в сторону, и, резко замахнувшись, Рина с силой ударила ведром по лежащему камню. Отвратительный оглушающий звук удара резанул по ушам сразу всем, даже стоящий в отдалении Харан отвернулся и поморщился. На них обернулись и прибывшие следователи, что прямо сейчас допрашивали Симона Барена. Работники заповедника вместе с Каймером повскакивали с земли – в общем тревожном гудении на поляне удар прозвучал как еще один сигнал тревоги. Но подействовал, как надо.

Аверис не подскочил, не закричал и даже не дернулся, лишь уставился на Рину широкими пустыми глазами, в которых начала появляться осмысленность, как только стихло последнее эхо. Он странно обвел глазами всех и вся, что его окружало: Эмили, Рину, пустые фляги с водой и испачканные походные полотенца, которыми напарница пыталась отмыть кровь с его лица и рук. Вид у него был такой растерянный, будто все это он видел в первый раз. А секунду спустя Рина увидела, как в уголках ярких синих глаз навернулись слезы. Она едва успела схватить и спрятать его лицо у себя на плече, прежде чем его пробили настоящие

рыдания. Аверис мертвой хваткой вцепился в рукав ее мантии, Рина чувствовала, как трясется тело под ее крепкими руками. Спазмы душили, сжимали горло стальным холодом, Аверис старался делать глубокие вдохи, но все они обрывались на половине, выходили из глотки лишь приглушенными всхлипами.

Так продолжалось еще несколько минут. Несколько жнецов отвлекли на себя гражданских, а за широкой спиной Харана очень хорошо получилось скрыть небольшую фигуру Авериса. Рина ослабила хватку рук, только когда дрожь в теле ученика начала затихать.

— Лучше? — спросила она, заглянув в его заплаканные глаза. Аверис неуверенно кивнул. — Слушай: сейчас идешь умыться лицо от крови. Потом будешь давать показания старшему следователю. Никто! — она повысила голос, увидев, как в глазах у жнеца блеснул испуг. — Никто тебя ни в чем не обвиняет! Это была необходимость. Эмили все расскажет, я тоже. Ты молодец. Слышишь? Ты все сделал правильно.

Кое-как ей удалось сплавить растерянного Авериса в руки Эмили, которая сразу отвела его в сторону, к той дыре в земле, которая когда-то давно была колодезцем. Рина чувствовала, как где-то в груди затягивается в узел тошнота: совсем не так она представляла себе выходные. Оставалось лишь надеяться, что Аверис окажется достаточно крепким физически и внутренне, чтобы пережить этот двойной удар.

— Ты сама как? — спросил у нее Харан, проследив глазами за двумя учениками.

— Да что мне будет...

— Ты вот после встречи с теми волками то же самое говорила, а потом ревела всю ночь.

— Нашел, что вспомнить. Мне уже давно не двенадцать.

— А ведешь себя так же.

Рина подавила порыв злобно скрипнуть зубами по привычке. Харан и раньше любил проверять ее на прочность, часто намеренно пытаясь вывести из себя. И хоть сейчас было очевидно, что он делает это из добрых соображений, все равно она не намерена была вестись. А то еще обратно в ученицы загонит, с него станется.

— Нормально все. Чо у них там происходит? — Рина кивнула в сторону расставленной неподалеку палатки, в которой прямо сейчас, вероятно, допрашивали Симона.

Харан молчал почти минуту, что уже автоматически являлось плохим знаком. Если ее наставник начинал подбирать слова, значит, дело обстояло куда серьезнее, чем она вообще могла себе представить.

— Я тебе так скажу, — серьезно начал он, сложив руки на груди, — от этого всего разит огромной подставой. Понятное дело, что язык у Барена развязался, когда сюда столько жнецов сбежалось. Только вот несет он какой-то бред. Говорит, что полгода года назад естественное поселение просто испарилось.

— В каком это смысле?

— Сам бы хотел знать. Утверждает, что одним вечером его работники проверили границы и, судя по звукам и свету из-за забора, все было хорошо. А на утро они искали потерявшуюся в лесу собаку, наткнулись на поселение и нашли его уже в таком виде. Ни людей, ни домов. Сам он испугался, что за него-то Хозяин уже не заступится, и его отправят в Смертельные Лыды. Поэтому заткнул рот всем своим подчиненным, а бывших людей Каймера просто перестал подпускать к границам.

— Да тут как будто... Не знаю даже, очередная «материковая» война случилась, — хмыкнула Рина со скепсисом, оглядывая камни, которые остались от когда-то процветающей деревни. — Как это можно было не услышать? А тела тогда куда делись? Должно ведь было хоть что-то остаться!

— Не заводись, — одернул ее наставник. — Я понимаю, что это не рядовая деревенька для тебя, но не теряй голову. Это пока все, что мы знаем. Звучит, как полный бред, я согласен, и в ином случае я бы не воспринял его слова всерьез. Однако меня смущают две вещи. Пер-

вая: все вот это декламирует не только сам Барен, но и его подчиненные, которых он заставил молчать.

— Но у них ведь больше нет резона его покрывать. Если бы сдали горе-начальника, упростили бы свое положение... — Рина задумчиво провела большим пальцем по коре бревна, на котором сидела. — Разве что его угрозы не ограничивались увольнением и побирательством на улице.

— Или они все говорят правду.

Для стороннего наблюдателя Харан почти всегда был хмурым немолодым жнецом, но проведя с ним бок-о-бок столько лет, Рина знала его слишком хорошо, чтобы вестись на маску. На деле ее наставник уже столько всего пережил, увидел и сделал, что едва ли на сегодняшний день может найтись какая-то рабочая проблема, способная заставить серьезно беспокоиться. Жнец ранга В, один из членов Совета, глава специализации «Разведка», многоуважаемый человек, способный решить практически любую проблему. И сейчас впервые за очень много лет Рина видела на его лице слишком очевидную тревогу. На секунду ей стало по-настоящему страшно. Во что они такое вляпались с учениками на пару?

— Твоя уверенность как-то связана со второй вещью, которая тебя смущает? — спросила она после паузы, не решившись открыто спорить.

Харан еле заметно кивнул и отступил на шаг в сторону, открывая взгляду Рины небольшой клочок леса, который до этого закрывал своей широкой спиной. Рине понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, на что он так нативно указывал. Но стоило взглядом выпестить из пейзажа лесной чащи знакомую беловолосую фигурку, как по спине пробежал неприятный холодок.

Иши. Вот это действительно было плохо. Если на место инцидента Хозяин прислал свои «глаза и уши», значит, дело точно не ограничивалось преступной халатностью.

— Что он здесь делает?..

— Хотел бы я знать... — повторил Харан с очевидным напряжением.

Теперь Рине стало ясно, почему наставник все это время стоял рядом с ними. Он скрывал не истерику Авериса от гражданских, а присутствие рядом марионетки Хозяина. Судя по всему, никто из гражданских Иши не заметил, иначе бы тут уже паника поднялась. Этих очеловеченных «кукол» редко можно было заметить вне Замка и лар, хоть они и прятались практически на каждой клочке двух материков. А все потому, что они, наверное, были единственными, чье присутствие в непривычном месте пугало обычных людей больше, чем жнецы. Несмотря на все молитвы об этом в каждой ларе Эриды, никому не понравится, если Создатель *буквально* начнет за тобой следить.

— Ты поэтому мне сказал успокоиться, да?..

— Да.

На своей не самой маленькой памяти она не могла вспомнить ни одного инцидента, куда бы Хозяин отправлял Иши – вот отчего Харан так нервничал. Нельзя было позволить никому заметить присутствие Иши, особенно перепуганным ученикам и гражданским. Значит, пока ведутся местные допросы, нужно отвлечь людей.

Взгляд Рины сразу упал на стоящего неподалеку Каймера. Она вдруг со стыдом осознала, что за всем случившемся с Аверисом и Хараном даже забыла, что этот человек тоже сюда пришел. Мужчина стоял посреди опустошенной деревни и бесцельным, почти таким же, как у Авериса, взглядом обводил то, что осталось от поселения. Рине сложно было представить, что он сейчас чувствует. Ей самой было не по себе, а каково человеку, который искренне считал этих местных затворников чуть ли не своей семьей...

— Мейр Стил...

— Как такое могло случиться? — прошептал он, стоило мантии Рины тихим шуршанием проскользнуть сквозь траву позади него. Как будто он только ее и ждал. — В одну ночь все люди просто... испарились.

— Вы что, верите Симону? — скептически уточнила жница.

— Он мудак, конечно, редкостный. Таких еще поискать надо. — Каймер выплюнул эти слова вместе со скопившимся внутри ядом, и Рина сразу поняла – их история корнями уходит куда дальше последних двух лет. — Трусливый пес, думающий только о своих карманах, но не убийца же.

— В свете последних нескольких часов я бы с вами поспорила.

— Верия, — Каймер тяжело вздохнул, наконец повернувшись к ней лицом, — при всем моем уважении, я думаю, он просто уже головой покалечился от страха и паранойи. Я этого беса знаю еще с малолетства и самолично наблюдал его взлеты и падения. Больше падения, конечно. Да он даже осу из комнаты сам выгнать никогда не мог! Что уж говорить о том, чтобы выкосить целую деревню невинных людей... Да и какой от этого толк?

А вот тут Каймер ее подловил. Даже если предположить, что Симон врет, то все равно выходит, что прямого умысла у него не было. Выжигать целое естественное поселение вместе с людьми, прикладывая столько усилий для сокрытия тайны, всем затыкать рты, чтобы... что? Очевидную выгоды от чего-то подобного крайне сложно вообразить. Может быть, тогда в словах Симона действительно больше правды, чем кажется на первый взгляд?

— В любом случае, с этим будут разбираться следователи Разведки, — покачала головой Рина, понимая, что делиться своими мыслями сейчас точно не стоит. — Поверьте, теперь интереса к этому делу будет еще больше, чем в прошлый раз.

Рина поддалась мимолетному порыву оторвать взгляд от Каймера и еще раз глазами обвести деревенские руины. Почему-то только сейчас она вспомнила, зачем изначально ехала сюда. В ворохе событий она уже успела забыть, что ее изначальной целью была маленькая Лейла. Грудь снова сжалась тугим комом – ее ведь тоже... Судя по всему, не осталось никого и ничего, и в результате она спасала всех деревенских детей и Лейлу в частности, лишь для того, чтобы через полтора года они обратились в ничто в куда более страшной катастрофе. Конечно, была какая-то призрачная вероятность, что, прочесав весь заповедник, можно будет найти следы выживших, но она таяла и от малейшего присутствия здравого смысла. Каждый из этих людей знал, как дойти до Белладоны и у кого просить помощи. Если бы они могли это сделать – непременно бы сделали.

— Детишек жалко... — тихо сказал Каймер, словно повторяя ее мысли. — Они ведь даже не доросли до того возраста, когда им можно было покинуть родных и мир посмотреть. Так у этих затворников заведено было.

— А вы девочку Лейлу помните? — спросила вдруг Рина.

— Ох, верия, — Стил грустно усмехнулся. — Вы переоцениваете мою старикивскую память...

— Ну она светленькая такая и глаза ярко-ярко зеленые. Я еще в тот раз по глазам запомнила, мне кажется, ее трудно не заметить.

— А, да! Такую помню! Меня, вроде, даже приглашали на праздник в честь ее рождения. У них там целый пир был по этому поводу... Только, сдается мне, ее не Лейлой звали. То ли Ёша, то ли Эйша...

— Да? — удивленно переспросила Рина. — А мне она Лейлой представилась. И мама ее также называла...

— Ой, да вы меня не слушайте! — Каймер махнул рукой. — Могу и путать. Все же еще до проникновения еретиков я у них не был уже пару лет как. В целом, как придет другой управляющий, могу попросить его для вас их переписи поднять... Может, благодаря вам у ее души будет лучшая следующая жизнь.

— То есть попросите сами себя? — Рина едва заметно улыбнулась и, поймав недоуменный взгляд Каймера, пояснила: — Что, думаете вас не восстановят в должности?

— Ну... А как ересь Симона оправдывает мою халатность?

— Не было в вашем деле никакой халатности. Все меры безопасности вы соблюдали. Как еретики два года назад попали в поселение – так никто и не понял. Как и сейчас непонятно, что здесь случилось. Это, конечно, решать следователям, но мне кажется, все это звенья одной цепи. Осталось только выяснить, где эта цепь спрятана, но ее конец точно не у вас в руках.

Каймер ничего не сказал, но в его молчании так и слышалось: «А ваш наставник так не считает». Но что бы ни было на уме у Харана тогда, не могла она это открыто обсуждать с гражданским, даже непосредственно вовлеченным.

— Удачи вам, мейр Стил. Я думаю, под вашим руководством когда-нибудь этот заповедник снова превратится в удобное Создателю место.

Глава 5. Столица, лежащая у подножья Замка

«Когда вы приезжаете в Торикану, что вы видите? Великолепные дома, сверкающие светом алей улицы, исторические архитектурные памятники, вылизанную площадь Вэра и красивых людей. Готов поспорить, вы даже представить себе не можете, что скрывается за этим приятным фасадом. Этот город принадлежит аристократам и служит отличной площадкой для их склок, баталий, взаимных попыток уничтожить конкурентов и урвать себе еще один кусок власти. Не уверен, что в «высшем» жилом районе нашей столицы еще помнят о таком прекрасном слове как «человечность». В Торикане нужно быть еще более осторожным, чем в бедном районе Архарума. Только здесь надо следить не за своими карманами, а за действиями – иначе вам очень быстро промоют мозги все, кому это только может быть выгодно...»

Выдержка из предисловия к первому выпуску «Путеводителя по столице лицемерия», во многом сатирического регулярного журнала о Торикане и ее нравах, написанного приезжими студентами института СПЕКТРа, которые уже давно стали постоянными авторами журнала и неизменно пополняют свой состав.

Очень скоро Харан приказал им всем собираться. Как бы ни пыталась спорить Рина и выказать свое желание остаться и помочь в расследовании, наставник ей того не позволил. Пока она не сдаст экзамен на следующий ранг, она не имела права заниматься подобными серьезными делами в одиночку. Харан явно не собирался здесь оставаться, несмотря на сторонние просьбы о помощи опытного следователя разведки. А оставшиеся жнецы были слишком заняты опросом свидетелей и сбором информации, чтобы подписываться за малютку ¹⁹и еще следить за ней во время работы. Пришлось лишь сдать свои показания, сгрести в охапку все еще нокаутированного Авериса и отправиться на «Белле» домой.

Поездка казалась очень долгой. Даже дольше, чем когда они ехали сюда и Аверис с Эмили безостановочно пытались поругаться. Рина бы сейчас очень многое отдала, чтобы они снова начали спорить. Лишь бы не видеть, как Аверис хватается от боли за руки и ноги и как боится Эмили лишний раз до него дотронуться. В голову лезли нехорошие мысли... Про Лейлу, про ее маму, про всю эту деревню. Жнецам привычнее видеть смерть, чем другим, но это не значит, что она проходит мимо и не оставляет следов. Что же с ними всеми произошло? Она

¹⁹ Две из трех главных лар столицы носят названия “Торик” и “Белла”. Третья изначально была названа “Создателем”, но сам Создатель эту идею не оценил и тут же приказал переименовать лару и использовать для нее имя другого выдающегося человека. Но из почтения и уважения эту лару так и оставили безымянной.

помнила, как Лейла радовалась вернуться домой, как благодарила жницу измученная тревогой мать. Рина тогда подумала, что в отличие от дочери, у меры Лон была крайне не примечательная внешность. Насколько удивительна бывает природа, что у нее уродилась девочка с такой яркой наружностью – Рина, даже пожелай, не смогла бы выкинуть образ Лейлы из головы. Яркие, светлые вьющиеся волосы, озорные и полные жизни изумруды вместо глаз, усыпанное поцелуями Создателя лицо, задорный и такой смелый взгляд. Не знай Рина наверняка, что отец Лейлы почил, посчитала бы ее дочкой такого же веснушчатого и светлого мужчины из деревни, который рвался вместе с ними в лес спасать детей. Рина едва заметно улыбнулась про себя: хотя, кто ж знает... Про мертвых плохо не говорят. Теперь их нет. Рина так и не смогла сдержать свою клятву и вряд ли когда-нибудь сможет это забыть. Но она точно сохранит образ Лейлы в своей памяти.

Торикана встретила их в своих объятия глубокой ночью. Чтобы не рисковать привлечь к себе лишнее и абсолютно не нужное сейчас внимание, жнецы задержались в уже тихом вагоне, ожидая, пока все пассажиры сойдут с поезда и разойдутся с платформы. Харан что-то негромко сказал проводнику, и свет в вагоне погасили, скрыв их присутствие от самых любопытных глаз. Платформа зашумела, загудела людским потоком, звук которого не могли скрыть даже плотные стены поезда. Рина смотрела в окно пустым взглядом, не выпуская из рук свой маленький кулон. На перроне раскланивались друг перед другом женщины в ярких костюмах и платьях, и ряженные в парадные мундиры мужчины. Наверное, семья Грас²⁰ отправила старших сыновей встречать своих дальних родственников. Из всей столичной знати только у них есть привычка наряжаться так, чтобы у окружающих начинало рябить в глазах...

— *И что, они правда вот так одеваются каждый день?!* — Лейла прыскает от смеха.
— *Это же как потом матушка их ругаться будет! Если бы я праздничное платье надела в школу, мама бы меня убила!*

— *Не говори таких громких слов в присутствии жнецов,* — Рина треплет девочку по светлой макушке и прижимает палец к губам, нервно оглядываясь на наставника и других жнецов. — *У большинства из них плохо с чувством юмора. Не дай Хозяин еще серьезно все воспримут.*

— *Ой...* — Лейла испуганно прыгает на месте, смешно зажимая рот обеими ладошками.
— *Извините! Я не серьезно! Я имею в виду, что она меня накажет...*

Рина почти злобно тряхнула головой и раздражённо помассировала лоб, пытаясь выбросить из памяти лишние и ненужные мысли. А теперь уже и бесполезные.

— Что это с тобой?

Харан глянул на нее исподлобья, и девушку невольно дернуло от того, с какой силой впился в ее съежившуюся фигуру взгляд наставника. Каждый раз одно и то же: в такие моменты невозможно сказать волнуется он за нее и потому глядит столь строго или хочет треснуть по голове древком косы.

— Все в порядке, — буркнула она, не отрывая взгляд от окна. — Я просто устала...

Когда поток людей схлынул со станции, Рина помогла Эмили вытащить Авериса из поезда и посадить его в закрытую хуну, что ожидала их у черного входа в здание вокзала.

Жизнь в сердце Большого материка не утихала даже в такой час. Здание главного вокзала примыкало к району Солли или, как в народе называли это сосредоточение всех деловых людей столицы, «Бессонные улицы». И оно отвечало своему выразительному прозвищу. Али в здешних фонарях не гасли никогда, по улицам круглые сутки сновали люди, не отрывая глаз от собственных ведан. Широкие улицы, ухоженные тротуары, клумбы с яркими и благоухающими

²⁰ Две из трех главных лар столицы носят названия “Торик” и “Белла”. Третья изначально была названа “Создателем”, но сам Создатель эту идею не оценил и тут же приказал переименовать лару и использовать для нее имя другого выдающегося человека. Но из почтения и уважения эту лару так и оставили безымянной.

цветами у входов в самые дорогие рестораны и бары столицы; вымощенные белым мрамором главные резиденции «Сегодня в столице» и издательства «Купол»,²¹ специально обустроенный жилой район для приезжих сотрудников СПЕКТРа, светящиеся альевыми гирляндами витрины центрального магазина «Люмос»²² – в первую очередь именно с этим у всех ассоциируются Бессонные улицы. Рина помнила, что когда она была маленькой, Харан часто водил ее сюда поздно вечером, когда вся эта какофония огоньков достигала своего апогея и могла вызвать приступы эпилепсии у некоторых людей. А у маленького ребенка, что большую часть времени видел лишь подола черных мантий своих учителей, вызывал безмерный восторг...

— Правда?! — Лейла крепко хватая жницу за руку и смотрит на нее огромными радостными глазами. — Целый магазин с игрушками?!

— Правда, — Рина улыбается и присаживается на корточки рядом с девочкой. — Там всегда горят али. А игрушки иногда ставят такими башенками. Они высотой и до потолка доходят!

— Ты врешь!

— Как я могу врать, Лейла? — Рина с улыбкой треплет девочку по волосам. — Если бы я осмелилась на такое, Хозяин бы меня наказал.

Она снова мучительно зажмурилась, наверняка опять привлекая к себе цепкий глаз Харана. Рина была благодарна ему за то, что в этот раз он промолчал.

Бесполезные воспоминания из головы безумно хотелось выгнать. Так сильно, что проезжая по этой обители воистину божественного сияния, Рина вдруг выудила из недр памяти совершенно иное: как она, сама еще совсем маленькая, путаясь в собственных ногах, бегала здесь от витрины к витрине, чуть ли не срываясь на восторженный писк. Харан тогда сажал ее на себе на плечи, чтобы она смогла достать до гирлянд, которые тянулись от одного фонаря к другому. Маленькая жница почти облизывалась на коллекцию говорящих мягких игрушек на «детской» витрине «Люмоса». Однажды, увидев грозного жнеца за спиной у маленькой девочки, сотрудники магазина сразу все поняли. Таким крохам, конечно, еще не положены собственные мантии, но ребенок рядом со жнецом мог быть либо отпрыском высшей аристократии, либо совсем маленькой косынкой. Кажется, тот плюшевый заяц, постоянно повторяющий «Я тебя люблю», до сих пор валяется у нее где-то в шкафу. Она была очень рада, когда нервно улыбающиеся сотрудники магазина отдали его ей совершенно бесплатно. Но все равно была уверена, что Харан тогда за него заплатил.

Солли остался позади крутящихся колес хуны и забрал с собой всю яркость и цветастость ночных улиц. Харан, сидевший рядом с Риной, облегченно выдохнул – ненавидел он все эти эпилептические применения алей. Куда проще и спокойнее наставник почему-то ощущал себя в полной темноте.

Хуна свернула с главной дороги, что пронизывала насквозь всю Торикану вплоть до городской мэрии, и съехала на узенькую улочку небольшого жилого квартала. Совершенно другая картина, контраст которой всегда заставлял Рину кривить лицо, когда она проезжала в Замок от вокзала одним и тем же путем. Выстроенные в один или два этажа длинные каменные «стенки», которые даже не принадлежали полностью одним хозяевам, ютились здесь, словно замерзшие птицы зимой на голой ветке дерева. В этом городе такие домики обычно прятались в небольшие темные улочки, лишь бы не привлекать к себе много внимания высших чинов

²¹ Издательство «Купол» – самая крупная столичная организация, которая занимается выпуском книг. И не только книг. Купол считается элитным издательством, их основная аудитория – это представители аристократии, коих в Торикане немало. Соответственно темы, жанры, оформление их книг и цены на эти книги соответствуют своей целевой аудитории. Полной противоположностью ему является подпольное издательство «Яма», десять лет назад учрежденное уволенными сотрудниками самого «Купола».

²² «Люмос» – сеть дорогих столичных магазинов, которые всегда самыми первыми начинают продавать любые технические новинки, которые выходит из-под рук инженеров СПЕКТРа. Одним из самых ходовых товаров всегда являются новые модели ведан.

и гостей столицы. В одном таком “муравейнике” могло жить до четырех семей обычных рабочих, которые трудились на аристократских заводах и фабриках или уборщиками, сантехниками и грузчиками в стенах СПЕКТРа. Иногда здесь можно было даже встретить студентов известнейшего на всю Эриду института²³, которым не хватало денег на то, чтобы оплатить комнату в роскошном столичном общежитии. СПЕКТР известен своей любовью возвращать кадры смолоду, но, видимо, портить аристократский лоск столичного общежития простыми ребятами без бриллиантовых пуговиц на камзолах желанием не горел. Некоторым из них бесплатные комнатки выделялись в таких районах. А иным и этого было не положено, приходилось совмещать тяжелую учебу с не менее тяжелой работой. Иногда Рина чувствовала себя просто ужасно, понимая, что даже ее наполненная божественной силой коса не может справиться с такой обычной несправедливостью.

— *А я смогу поехать в столицу учиться?..* — тихо спрашивает Лейла, пока Рина обрабатывала последнюю ссадину у нее на колене.

— *Все возможно, если хорошо закончишь школу,* — улыбается Рина, подняв глаза на девочку. *Та вдруг сделалась какой-то слишком серьезной и печальной. Прошел шок? — Но... Разве ты не хочешь остаться здесь, рядом со своей общиной и мамой?*

— *Я бы хотела стать швеей,* — продолжает Лейла, будто совсем ее не слушая. — *И открыть свою... как это называется?... Точно! Студию! Студию в столице, чтобы у меня заказывали платья все дамы Ториканы!*

— *Хочешь посоперничать с семьей Рейст?* — смеется жница. — *Большие у тебя амбиции. И как будет называться студия?*

— *Называться?..* — она удивленно смотрит на жницу, словно впервые понимает, что у студии должно быть название. — *Сейчас подумаю... Хм... Точно! Называться будет...*

«Что же она тогда сказала?..»

Жница едва удержалась от того, чтобы отвесить себе самой оплеуху. Да какая теперь разница?!

«Почему я продолжаю об этом думать?!»

Она снова вцепилась глазами в темные стены маленьких домов, стараясь сосредоточиться хотя бы на мыслях о классовой несправедливости Ториканы, да только они даже не успели снова оформиться – маленький переулочек просто закончился.

Хуна, слегка тряхнувшись на неровностях окончания щебенной дороги, выехала на широкий пешеходный торговый проспект. Точнее, в то место, где соединялись четыре таких: Норт, Саут, Ист и Вест. Доподлинно никому не известно, почему именно так их назвал своим высшим указом сам Хозяин, но уточнять люди не горели большим желанием. Хотя была у этих проспектов одна особенность, помимо того, что там можно было найти все, что может пожелать душа смертного: направлению каждого из них соответствовала одна из сторон света. В начале каждого проспекта висели списки магазинов, ларьков и стендов, которые можно найти в этом направлении. Правда, их всех было так много, что Рина даже за десять лет ошивания здесь и в мантии, и без нее не смогла запомнить, где именно что искать. Да и не была уверена, что кто-либо вообще мог похвастаться такой памятью. Торговые проспекты проходили рядом со множеством обычных жилых кварталов: здесь никогда не встретишь ни аристократа, ни человека с доходом много выше среднего и «входом» в высшее общество. Как будто бы vyhаживать среди простых смертных — это для них неприемлемо. Зато торговые проспекты служили чуть ли не домом для огромного количества тех самых «простых смертных»: начиная от мойщиков окон и заканчивая даже учителями столичных школ. Здесь они могли купить почти все что

²³ Имеется в виду институт СПЕКТРа. Он считается самым престижным учебным заведением на всем большом материке. Туда безмерно сложно попасть честным путем, а окончить и того мучительнее, но того стоит: сразу после выпуска все студенты получают работу в организации.

удовно, продать почти все что угодно, получив несложную лицензию и кучу разных льгот, и даже завести знакомство со жнецами, которых по причине большого людского скопления часто можно было встретить на этих широких улицах. И каждый раз, наблюдая за тем, как шумный людской поток из смеха, зазывалок, безобидных переругиваний и попыток торговаться грузно перемещался от одной стороны света к другой, Рина вспоминала об одной простой истине. Хозяин все же мыслит и старается заботиться о всех людях вне зависимости от статуса и толщины кошелька. Просто, наверное, — как казалось ей — разным людям нужна разная забота... Пока хуна пыталась аккуратно миновать единственную проезжую часть проспектов и попасть в следующий жилой квартал, Рина заметила толпу ребятишек на выходе из Веста. Все они собрались у лавки кондитера и радостно хватали бесплатные леденцы и конфеты, которые щедрые продавцы тут часто раздавали поздно вечером. В голове невольно промелькнула мысль о том, что она никогда не видела отпрысков главных семей Ториканы такими румяными, счастливыми, веселыми и беззаботно бегающими по торговым рядам поздно ночью...

Снова замаячила перед глазами главная дорога: жнецы всегда делали небольшой крюк, объезжая одну из обителей знати, что раскинулась в самом центре города, вокруг белокаменной мэрии. Не сказать, что в этом был какой-то сакральный смысл, но... Откровенно говоря, будучи уставшим, голодным и сонным, совершенно не хотелось принимать формальные приветствия от всех взоров и верий, что встречались им на пути. Приличия этого общества обязывали таких людей приветствовать воинов Создателя со всем почтением, а самих жнецов — не оставлять эти жесты и слова без внимания. Утомительно. И может слишком сильно задержать, особенно с учетом того, что с ними едет пострадавший товарищ.

Благодаря такому маневру остались позади и своды белой мэрии, и здание главного театра, и огромная площадь, что центрировала вокруг себя весь район Рейст²⁴. А впереди уже маячил главный выезд из города в сторону горы Роят и белоснежные стены одной из трех главных лар столицы.

Здесь никогда не гасили свет. Увенчанные острыми башенками и направленными в небо косами «малые обители Создателя» всегда оставались открытыми для всех, кто в них нуждался. Лары высились над столицей, словно маяки над морем, указывая путь всем заблудшим душам. Они не были украшены ничем, кроме расписных оконных витражей, но один вид этих остроконечных и непримечательных высоких коробок вызывал благоговение в сердце каждого жителя Эриды. От созерцания молчаливо наблюдающих за тобой белых стен перехватывало дыхание сильнее, чем от вида самого роскошного особняка в Торикане. И на это была своя причина.

В этих стенах днями и ночами возносились мольбы Создателю о помощи. Люди передавали ему самые сокровенные желания, сидя на деревянной скамье и робко поглядывая на стоящего у дальнего витража Иши. Они всегда были там, эти таинственные куклы. В каждой ларе, перед ярко расписанным окном можно было увидеть эту бдящую «статую», что олицетворяла собой присутствие Создателя. Они повторяли свое же изображение на витраже, стояли с раскинутыми руками и смотрели на прихожан, как будто собирая все их мысли в себя. Рина не раз видела, как некоторые из этих Иши вдруг «оживали» на пару секунд, устремляли свой взгляд на конкретного человека, улыбались ему и едва заметно кивали. В такие моменты казалось, что даже свечи, расставленные на постаментах загорались ярче, а белые стены и полы лары едва заметно поблескивали россыпью звезд, словно крылья фей из далеких детских сказок. Стоило Иши отвести быстрый взгляд, как у себя в руках человек ощущал мягкую нежность пера:

²⁴ Район Рейст - исторический район Ториканы, в котором располагается культурный и административный центр города. Здесь находится здание главного театра, самый большой музей истории Эриды, городская мэрия, головное здание центрального банка и главная площадь города, вокруг которой и построен район. Это любимое место променадов и проведения мероприятий на открытом воздухе у представителей аристократии Ториканы. Район назван фамилией главной династии столицы.

Создатель услышал твою искренность, увидел чистоту в твоём сердце и пообещал исполнить желание, о котором ты пришел молиться. И сейчас, проезжая мимо, Рина не смогла сдержать улыбки, увидев в витраже лары такой знакомый блеск. Радовала мысль, что хоть кому-то эту темную ночь разогнало явление Хозяина...

— Ты точно вернешься?

Рина удивленно оборачивается: она хотела уйти тихо и понапрасну не тревожить уставшую Лейлу и ее маму. Но девочка, каким-то образом услышав ее тихую возню, нагнала жницу в дверях небольшого дома.

— Конечно. Я ведь оставила тебе перо синицы.

— Когда? — нетерпеливо спрашивает Лейла. — Я подготовлюсь! Я буду тренироваться сама!

— Ловлю на слове, — Рина улыбается и в последний раз треплет ее по волосам. — Как только у меня будет свободный день, я обязательно приеду. Не забывай ходить в лару, если будет грустно и страшно. Создатель всегда тебя услышит.

— Хватит... — едва слышно процедила Рина, снова безуспешно пытаясь уговорить ворох мыслей в голове. Тот в истерике цеплялся за что угодно, лишь бы не упустить образ Лейлы из сознания.

Она снова почувствовала на себе пронзительный взгляд Харана. И в следующую секунду возблагодарила Хозяина за то, что они ехали в этой хуне не вдвоем.

Аверис, лежавший до этого на коленях у Эмили, вдруг приподнялся и, странно сжав свои острые скулы, потянулся рукой в сторону свечения из лары. Эмили стоило отдать должное: она перехватила его запястье очень быстро, за секунду до того, как он успел дотянуться до ручки дверцы хуны.

— Нет, сейчас нельзя! — шикнула она на напарника и едва ощутимо стукнула его по лбу.

Аверис поморщил густые брови и злобно фыркнул в сторону подруги, тут же попытавшись подняться с её острых коленок. Куда он хотел деться от нее в тесной хуне — так и осталось тайной, которую уже никому не суждено было узнать.

— Куда ты собрался?! Ляг обратно немедленно!

— Аверис.

Низкий и гулкий голос Харана, звук которого вонзался остриями в уши каждому слышащему, подействовал куда лучше, чем громкое возмущение Эмили. Аверис в момент сделался похож на маленького напуганного котенка с вздернутым носом и огромными глазами. Он словно по команде рухнул обратно, вероятно, отдавив бедной Эмили ноги. И больше не решался так открыто возмущаться.

— Зачем тебе нужно в лару? — вдруг спросила Рина, которая до этого молча наблюдала знакомую сцену давления своего напарника на окружающих. — Тебя же отвезут в сады эдема.

— Не в этом дело, — тихо ответила Эмили, продолжая кутать все еще слабо брыкающегося Авериса в его же мантию. — Когда мы были маленькими, еще до того, как Иши привел нас в Замок, Аверис всегда бегал в единственную в нашем городе лару. И прятался за стоящим там Иши, чтобы его не нашли. Теперь когда ему плохо, она всегда идет в ближайшую лару. Это... наверное, привычка.

— Не нашел кто?

Эмили лишь отвела взгляд, с силой сжав пухлые губы, и Рина поняла: не то, о чем стоило спрашивать. У каждого жнеца история раннего детства не самая приятная, но далеко не каждый хочет ей делиться. А кто-то, как она сама, просто не может.

Безымянная лара осталась позади, и стоило скрыться из поля зрения, как Аверис тут же успокоился. Он затих и практически замер в одной позе на коленях у Эмили, пустым взглядом уставившись на подол мантии Рины. Одному Хозяину было известно, что за мысли проноси-

лись сейчас у него в голове. Рина помнила, как в первые часы после собственного резонанса она не могла избавиться от бесконечного шума в голове. Не могла ни ходить, ни говорить, ни даже контролировать собственные мысли. Поднять руку казалось невыносимым испытанием: из мышц словно выкачали всю силу, а из мозга – способность сформировать и простейшее намерение попить воды. Мысли носились по голове, как рой пчел, перебивая друг друга каждую секунду, и Рина никак не могла ухватиться хоть за одну из них. В этот момент она как будто знала все и ничего одновременно. Откуда-то в этих спутанных мириадах ниток возникали образы далекой бесконечности, статной женщины в сияющих одеждах, длинный ряд величественных тронов посреди огромного ничего. И чувства. Чувства невообразимого, первородного страха, вины, отчаяния, а потом наплыв решимости и злости, образы яркой вспышки божественного света... Пока Харан тащил ее на себе в замок, Рина была так близка к полному пониманию мироздания, как никогда. Казалось, что стоило ухватиться всего за одну из этих ниток, и она поймет все. Узнает все. Ей откроются все тайны и помыслы Хозяина, и она познает истинный смысл жизни. А потом все это ушло. Голоса оборвались в один миг, и по пробуждению в садах эдема она не помнила ничего, кроме очень смутных отголосков этих мыслей и странных картинок. Рина не знала, чем они были. Лишь потом ей рассказали, что подобное – нормально. С силой Хозяина в тело и голову приходит и его суть, смысл которой даже жнецам при жизни постичь не дано. Сады эдема «забирают» лишнее. Как сито, фильтруют и просеивают эту суть внутри жнеца, оставляя лишь то, что может даровать заслуженную силу, а не навредить.

Наверное, Аверис сейчас переживал нечто подобное. От Харана и собственных однокурсников Рина знала, что резонанс у всех происходит по-разному. У кого-то проще, у кого-то мучительнее и куда сложнее. Но этот процесс всегда очень неприятный. Такова плата за обретения мощи Создателя. Слишком долго пребывать в этом состоянии было довольно опасно, – именно поэтому жнецы, не пробудившие резонанс, никогда не покидали Замок в одиночестве – и Рина вздохнула с облегчением, когда они выехали из города. Прямо на дорогу, что вела к подножию горы Роят.

Это величественное природное сооружение венчалось острыми сводами Бездонного замка, и черный цвет литого металла на стенах не давал обмануться насчет того, кто именно там обитает. На гору практически невозможно подняться пешком обычному человеку: восходящая дорога была ухабиستا и крута. По ней даже жнецы нечасто шагали, предпочитая быстрый подъемник из-за экономии времени и... конечно, тут было замешано немного лени. Они ведь тоже все люди, в конце концов. Из-за этого путь много где порос мхом и травой, а семечки, травинки и ягоды, нанесенные на гору сильным ветром, уже давно обратились в огромные деревья, захваченные зеленью поляны и непроходимые кустарники... Все это придавало горе Роят весьма своеобразный, даже немного пугающий вид.

— *Мама мне рассказывала, что на горе Роят живут монстры, которые охраняют жнецов!*

— *Это все сказ...*

Рина впечатала ладонь себе в лоб, пользуясь тем, что Харан отвлекся, чтобы помочь Аверису встать с колен напарницы. Сердце в грудной клетке несколько раз сильно ухнуло по ребрам, и жница стиснула зубы, сжав в ладони свою походную рубашку под мантией. Не хватало еще, чтобы косынки увидели ее в таком состоянии...

— Хозяин с вами, Рина, что случилось?!

Всегда, почти всегда Рина была безумно рада видеть на посту у подъемника Дункана. Милый и улыбчивый жнец, который пробудил свой резонанс, впервые поцеловав девушку, понимал ей даже самое упадническое настроение. Она могла идти вся замерзшая, в грязи и в изорванной одежде, мечтая только о горячем душе и том, чтобы этот день закончился, но Дункан бросал какую-то точную шутку и весь недолгий путь наверх Рина ехала с улыбкой до ушей.

Но сейчас, Хозяин ей свидетель, она бы скорее убила его, чем нашла в себе силы и желание хоть что-то объяснять.

— Резонанс случился, — буркнула Рина, и поблагодарила Дункана за то, что он не стал расспрашивать дальше.

— Я... могу сам идти... — попытался возразить Аверис, когда старшая жница практически взвалила его на себя.

— Не надо геройствовать. На сегодня с тебя этого дела благородного хватит. Дункан, запускай подъемник, нам срочно нужно доставить его в сады эдема.

— Я даже не знаю, поздравлять тут надо или сочувствовать... — растерянно протянул Дункан, с силой нажимая на рычаг. Тяжёлые двери подъемника распахнулись с тихим скрипом. — В любом случае, самое страшное позади. Вы уже почти дома.

— И это единственная хорошая новость за сегодня... — проскрипела жрица, буквально заталкивая ученика внутрь вагонетки. Надеюсь, что друг этого не услышит. Но внимательный взгляд Дункана четко дал понять – слух у него лучше среднего.

Она заметила краем глаза, как Харан что-то тихо сказал Эмили, и они оба быстро помогли бережно усадить Авериса на лавку в подъемнике. Захлопнулись двери, заработал механизм, и железная коробочка поползла вверх. Чем выше они поднимались, тем сильнее ощущалось присутствие светлого лика Хозяина. Потоки тепла скользили по коже, признавали домочадцев и тепло приветствовали, позволяя наконец полностью расслабиться. Даже скованное болью лицо Авериса разгладилось, и он смог нормально вдохнуть без удушающих спазмов. Рина с облегчением почувствовала, как мучавшие ее всю дорогу назойливые мысли уступили место обычной усталости. Веки потяжелели моментально, она едва удержалась от того, чтобы оглушительно зевнуть на всю эту небольшую кабину. Эмили и Аверис были похожи на двух засыпающих маленьких бобриков, и Рина все-таки не сдержала веселой улыбки. Интересно, они с Роем и Сандрой тоже так выглядели в свое время?

Каждый раз когда подъемник останавливался на вершине горы и двери его открывались, Рине почему-то казалось, что ее обязательно должно просто слуть с этой огромной высоты. Она предполагала, что этот страх связан с какой-нибудь страшной байкой Харана. Он много таких рассказывал ей в детстве, чтобы она не подходила лишний раз к высокому заграждению, отделяющим вершину горы от крошечной пропасти. Но как бы то ни было, ветра здесь никогда не стоило бояться. Если, конечно, ты не успел совершить какой-то страшной ереси...

Тяжелые решетчатые ворота всегда открывались одновременно с дверью подъемника, приветствуя вернувшихся уставших жнецов и приглашая их во внутренний двор большого замка. Аверис оказался на удивление тяжелым, несмотря на свой почти хрупкий вид: Рине пришлось почти тащить его на себе мимо сокрытых легким туманом детских площадок и небольшого тренировочного плаца... Везде было пусто. Ожидаемо: для самых маленьких жителей цитадели уже давно прозвенел отбой, а на открытых плацах в ночное время никто не занимался, даже самые заядлые «совы». Лишь тренировочные косы поблескивали в лунном свете около темных прутьев забора...

Прямо за главными дверями их встретили лекари, заранее оповещенные Хараном о случившемся. Авериса практически унесли прямо на руках, вероятнее всего, сразу в сады эдема, чтобы там он смог мирно продремать весь период адаптации к силе Хозяина в собственном теле. Его забрали очень быстро, Рина даже не особо успела понять, что произошло и куда делся изрядный груз из ее собственных рук. Но это лишь говорило о ее собственной безмерной усталости. Настолько сильной, что только спустя пару секунд жница наконец смогла привести в порядок собственное ощущение и понять – она дома. Действительно, дома. В какой-то мере даже не верилось после всего, что сегодня пришлось пережить. Но реальность не давала повода усомниться: все те же темные своды общего зала, освещенные мириадами алей, вереницы черных мантий, что круглые сутки протирали здесь пол лучше любой швабры, резные указатели

в углах залы. И конечно, бессменные доски с поручениями – теми самыми, которые жнецы Хозяйства так и не смогли никому лично вручить в руки.

— ...Рина!

В уши с опозданием ворвались и знакомые звуки: протяжный гул общей залы, бесконечное лязганье кос, шелест бумаги прямо рядом с ухом и... конечно, один конкретный знакомый голос.

Жница мучительно поморщилась, почувствовав, как Сандра с силой дернула ее за плечо ближе к себе. Как она вообще перегибается так через свою эту широкую стойку?.. Рина никогда не могла встать достаточно далеко, чтобы загребушие *хозяйственные* руки ее не достали.

— Ты слышишь меня или тебя тоже в сады эдема отправить? — строго спросила Сандра, и не взглянув на подругу. Она приковала глаза к огромному полотну своей тетради, не отвлекаясь от письма даже на разговор. — Мне нужно понять, что у вас случилось. Кроме Авериса еще кто-то пострадал?

— Аверис в порядке, он просто пробудил резонанс. А что касается пострадавших... — Рина оперлась рукой на широкую деревянную поверхность рабочего места Сандры и перевела взгляд на Эмили.

Та стояла, словно молнией пораженная, странным и пустым взглядом смотрела в какую-то далекую точку, куда буквально минутой ранее унесли Авериса. Рина вряд ли могла хоть примерно догадаться, о чем сейчас думает Эмили и думает ли вообще. Ее состояние было похоже на какую-то странную форму кататонии, ступора, сильного шока и испуга... А старшая жница была слишком далека от искусства душеправов и понятия не имела, как помочь маленькой косынке. Да и нужно ли вообще? Они вернулись в Замок, и теперь Аверис с Эмили больше не ее забота. Но все равно... Просто оставить ее вот так совесть не позволила, даже если бы Рина грозилась свалиться от усталости прямо на этом месте.

— Хотя неважно, забудь. Никто не пострадал. — она махнула Сандре, которая тут же что-то резким движением вычеркнула из своей тетради. — Эмили, с ним все будет хорошо. Отлежится сутки-двое и будет как новенький. Первые дни после резонанса очень неприятные, но от этого еще никто не умирал.

— Я... Да, я понимаю, — отстраненно ответила жница, не отрывая взгляда от несуществующей точки. — Мне... Мне ведь нужно, да? Нужно сходить доложить о случившемся?

— Нет, не нужно. Как твоя временная наставница, я сделаю это за тебя. А ты иди отдыхай. И постарайся поспать.

Эмили, мыслями и душой явно витающая где-то далеко от реальности, лишь рассеянно кивнула и побрела вглубь залы. Туда, где в литом черном камне здешних стен зиял сравнительно небольшой проход к лестницам на жилые этажи. Рина внимательно проследила за ней взглядом: в сторону кухни жница так и не свернула, лишь быстро мазнула пальцами по одному из оконных расписных витражей и пошла дальше. Неужели даже не зайдет поесть? Со вчерашнего вечера ведь во рту ни крошки...

— Из тебя выйдет отличная наставница, ты же в курсе? — довольно пробасил у Рины за спиной Харан.

— Пожалуйста, не начинай. Я даже из-под твоей мантии, считай, только вылезла. Куда мне в свою косынок запихивать? И чему я учить их буду? Тому, как не сдерживать клятвы и опаздывать со спасением жизней?

— Во-первых, не называть своих учеников косынками, — Харан едва ощутимо щелкнул ее пальцами по лбу, словно пытаясь выгнать из дурной головы все неправильные мысли. — А если серьезно: я знаю, что ты расстроена. Ты ехала провести выходной с бойкой девочкой и поучить ее прыгать через бревна, а приехала на могильник. Это само по себе уже трагедия, а тебе еще пришлось от еретиков отбиваться. И несмотря на все это, ты отлично сработала.

Рина никогда не думала, что редкая и ценная похвала от ее наставника, которую она с юных лет ценила выше любых оценок, может вызвать такое отчаянное чувство абсолютного ничего. Она не почувствовала никакой радости или тепла, даже когда самый родной человек крепко обнял ее и прижал к своей широкой груди, пытаясь хоть немного утешить. В детстве она моментально забывала все свои тревоги, стоило Харану включить на ведане включить детское шоу, сгрести ее в охапку, замотать в одеяло и всучить в руки пачку любимого печенья. Сейчас даже его открытая поддержка почему-то не согревала. Ей не хотелось с ним говорить. Только смыть с себя последние двое суток и проспять часов двадцать.

— Давай поговорим об этом завтра, ладно? Мне нужно доложиться и идти спать, я уже с ног валюсь.

Харан кивнул, давая свое молчаливое разрешение на этом разойтись. Рина этого так и не увидела, но когда она направилась в тронный зал, он смотрел ей вслед так же, как она минутой ранее смотрела вслед Эмили – с тревогой и ноткой печали за свою маленькую подопечную.

В народе о жнецах ходило столько абсурдных сказок и легенд, что порой от оных глаза на лоб лезли и у самых заядлых писателей-сказочников по всей Эриде. Обожающие разогнать рутину и скучную тоску своей жизни люди придумывали эти истории зачастую почти на ходу. Кто-то однажды выдумал очень правдоподобную байку о том, что жнецы вообще никогда не спят. Мол, они, наделенные силой всемогущего Создателя, лишены всех низменных людских нужд, и даже жизненно необходимый сон им непотребен. «Иначе почему, как вы думаете, с горы Роят круглые сутки виден свет в окнах Замка?!»

Потрясающая теория, получившая почему-то безумное распространение среди доверчивого народа и заставившая от души посмеяться даже членов многоуважаемого Совета. Но несмотря на всю абсурдность возможности увидеть яркий свет в окнах Замка, стоя у подножия горы, все же своя правда в этой истории была.

В доме Создателя действительно круглые сутки кипела жизнь. И в отличие от Ториканы, на ночь она даже не сбавляла своей интенсивности. Кто-то уходил на миссии, кто-то возвращался с них. Для кого-то только подходило время ужина или даже завтрака. Многие искали в главной зале жнецов Хозяйства, чтобы заранее получить всю нужную информацию о своей следующей задаче. В столовых помещениях громко спорили два жнеца, не в силах никак поделить последнюю на сегодня порцию любимого блюда. В уголке широкого коридора, за одной из мраморных резных колонн можно было заметить две опущенные низко головы. Кажется, там происходил приватный и крайне интимный разговор... Воодушевленная компания косынок возвращалась с ночного ориентирования. Они пронесли мимо Рины громким и стремительным ураганом, наперебой обсуждая, кого учитель по результатам тренировки похвалил больше остальных. Воителей Создателя в замке больше, чем жителей в столице, и у каждого из них своя работа и свой распорядок дня. Поэтому длинные коридоры и огромные, украшенные витиеватыми гравюрами залы никогда не пустовали.

У больших дверей тронного зала как всегда выстроилась небольшая очередь. Рина всегда считала это немного забавным: перед тем, как предстать перед отражением Хозяина и лично поведать о своих успехах и неудачах, его сильнейшие воины стояли в линейку друг за дружкой, словно школьники за пирожными. И сейчас больше всего на свете она радовалась тому, что ожидание здесь никогда не бывает долгим.

Один за одним жнецы заходили в приоткрытую дверь тронного зала, растворяясь в рябщем потоке пространства, а потом по одному выходили из соседней. Ступив в туманную дымку этого пространства, Рина по привычке прикрыла ладонью глаза – яркий свет здесь сильно контрастировал с приглушенным освещением коридора. Тронный зал всегда создавал ощущение белоснежной волшебной комнаты, витающей где-то высоко в облаках. Вне земных забот и даже вне людского понимания. Прямо из мраморного пола и стен прорастали крепкие стебли зеле-

ных лиан, усеянные загадочными пестрыми цветами. В странном помещении не было окон, но яркий свет лился как будто сразу со всех сторон. От каждого осторожного шага по белому полу от ног мягким шелестом разлетались зеленые маленькие листочки неизвестного дерева. Они исчезали в пространстве зала так же быстро, как и появлялись под ногами, оставляя за собой ощущение свежести молодого леса. И в то же время с каждым движением холодный горный воздух все больше наполнял легкие и разум своей прохладой. Расстеленный под ногами и листками белый ковер вел прямоком к скромному деревянному трону. На нем восседал хозяин сей залы. Не истинный, разумеется: в *Ego* присутствии Рина бы вряд ли обманулась. Тепло улыбаясь, с возвышенности трона ее приветствовал еще один Иши. Ее одну, рядом ожидаемо никого не было, эти беседы всегда были приватными.

— У тебя были не самые лучшие выходные, Рина, — ободряюще и сочувствующе сказал Иши. — Расскажи, что произошло в заповеднике.

Голос его был мягким и воздушным, словно то вкусное безе, которое она обожала в детстве. Располагал, расслаблял, почти убаюкивал. Среди жнецов ходили теории, что «титул» Иши, как отражений Хозяина, следует понимать буквально. Они имеют его внешность и голос, и он действительно вот именно такой, каким они видят этих кукол: молодой беловласый юноша, с серебристыми глазами и нежным голосом. Рина, хоть и не мыслила о Хозяине, как о ком-то существующем на уровне материи, была согласна, что этот облик подошел бы ему как нельзя лучше.

Она глубоко вздохнула и, сложив руки за спиной, рассказала все с того самого момента, как она позавчера вышла из Замка вместе с Аверисом и Эмили. Иши слушал ее очень внимательно и чем больше она говорила, тем серьезнее и мрачнее становилось его лицо. Это подумалось немного странным: на ее памяти Иши, что сидели в тронном зале, почти никогда не проявляли эмоций, какие бы тяжелые вещи она ни рассказывала. Но пропажа и вероятная смерть целой деревни на охраняемой территории — это прецедент даже для Большого материка. Вполне логично, что ему нужно уделить трепетное и *личное* внимание...

«Нет, нет, лучше о таком не думать», — пронеслось у нее в голове, прежде чем догадка успела оформиться в сознании во что-то более реальное.

Одна только мысль о том, что *прямо сейчас* глазами Иши на нее смотрит Хозяин, заставляло все внутри холодеть. Все же насколько бы ни были отражения похожи на живых людей, иначе как куклы они не воспринимались. Рина больше думала о них как о каких-то устройствах, вроде веданы, которые лишь записывают полученную информацию и куда-то ее передают. В конце концов, даже кино в столице снимают с их помощью... В них было что-то вроде вложенной инструкции на все случаи жизни, и порой им положено быть «человечными», но только не здесь. Здесь они всегда даже говорили одними и теми же фразами. За исключением почему-то того, что сидел сейчас напротив нее.

— Действительно тяжелые выходные... — покачал головой Иши, когда она закончила свой рассказ.

Он не спешил комментировать произошедшее или давать каких-то дополнительных распоряжений, вроде приказа обратиться за помощью к жнецу конкретной специализации. Так часто бывало, сами Иши никогда не давали советов или, более того, готовых ответов даже в самых тяжелых случаях. Они лишь могли направить в вероятно нужном направлении. Оно и к лучшему, иначе бы даже жнецы совсем отупели. Но сейчас Иши продолжал молчать, словно у него совсем не было «мыслей» по этому поводу. Если так подумать — ничего похожего на случившееся сегодня Рина правда не слышала и не видела. Ситуация исключительная.

— Иди отдыхать, — наконец сказал он. — И ни о чем не волнуйся, отоспись. Завтра можешь быть свободна.

В столовой Рина, к своему удивлению, нашла собранный ужин с заботливо написанной от руки бумажкой: «Рина 12-49». С учетом того, что поездка у нее была выходная, никаких казенных пайков по возвращению ей было не положено, но по какой-то причине его все же подготовили.

— Чтоб тебя, Сандра... — Улыбка сама полезла на лицо, когда жница разглядела в углу бумажки нарисованную кошачью лапку. — Что мне с тобой делать прикажешь?..

Небось свой собственный переставила, узнав о случившемся, и осталась без ужина. Рина много раз просила подругу так не делать, хотя бы потому что она никогда не была любителем есть поздно вечером. Но Сандру никогда не могла усмирить и собственная наставница, не говоря уж подруге.

Теперь в руках красовался бумажный пакет с едой. Еще теплый, он приятно грел руки и больше вгонял в густую дремоту. Гудение замка слилось в один большой комок усталости, и с каждым шагом в сторону жилых этажей Рина жалела, что не попросилась переехать повыше, когда у нее была такая возможность. Вот уж действительно – не любит перемены. Настолько, что даже из своей ученической комнаты к двадцати годам так и не съехала.

Спуск к жилым помещениям был увенчан огромной, уходящей вниз каменной лестницей и, словно милость Хозяина, прямо напротив нее постоянно курсировали несколько подъемников. Рина тяжело опустилась на узкую скамейку внутри одного из них и боролась с желанием закрыть глаза прямо здесь и сейчас. Останавливало лишь то, что подниматься потом этажа эдак с сотого будет еще мучительнее и дольше, даже если не пешком. Сменяющие друг друга, нарисованные на стенах цифры этажей действовали почти гипнотически, а тихое гудение вмонтированных во внутренности горы труб оповещало о том, что она уже почти в кровати. Двенадцатый этаж и два ровных ряда небольших жилых комнат встретили ее домашней тишиной. Чуть ли не на ощупь Рина нашла знакомую дверь с затертой табличкой «49» и буквально ввалилась за нее, едва успев закрыть за собой замок, прежде чем осесть на пол.

Она была готова заснуть прямо так, сидя в темноте, нарушаемой лишь неярким светом ночника, который ещё два дня назад забыла выключить. Но это уже совсем перебор. Коса была небрежно скинута на пол, рюкзак вместе с мантией одной кучей – закинута в угол, а пакет с ужином – забыт в маленьком холодильнике до утра. Стоило голове коснуться подушки, как сознание начало медленно уплывать. Если бы не одно маленькое «но». Ощущение чужого присутствия — и Рина даже знала чьего именно — никак не давало отключиться. Кроме *них*, никто больше не мог прийти именно в тот момент, когда дверь комнаты уже была заперта.

— Я без сил. Не сегодня.

Стоило произнести заветные слова, и ночной гость растворился в темноте, даже не обозначившись. Сон тут же украл ее из реальности, позволив наконец оставить этот бесконечный день позади.

Как жаль, что ненадолго. По ощущениям, стук в дверь разбудил спустя секунду, после того как она закрыла глаза. И первым порывом было кинуть в эту самую дверь чем-нибудь тяжелым, чтобы Сандра отстала хотя бы ночью и дала выспаться перед своими заботливыми допросами. Только вот, судя по всему, по ту сторону стены была вовсе не подруга: та не ограничивалась неуверенным постукиванием.

«А вдруг что-то с Аверисом?...» – эта мысль молнией вонзилась в сознание неожиданно, но подействовала моментально: Рина подскочила так быстро, как по учебной тревоге никогда не вскакивала.

— Эмили?..

В первый момент она подумала, что спутала в ярком коридорном свете чей-то хрупкий силуэт с фигурой молодой жницы. Но нет, перед ней действительно стояла Эмили. Сама в пижаме, судя по всему, пришла с другого конца этажа.

— Я... Пожалуйста, можно с вами поговорить?

Первой мыслью в покрытой сонной вуалью голове Рины было: «Нет». Судя по тому, как тихо и неспешно Эмили говорила, никакой срочности не было. Ей просто посреди ночи захотелось с кем-то поболтать... Потрясающе. Но от поспешного ответа Рину остановил один взгляд на ее лицо. Заплаканное, с отпечатком отчаяния и бессонницы, слово «помогите» на нем было практически написано. И как бы сильно ни хотелось спать – хлопнуть сейчас перед ней дверь было бы настоящим свинством.

— Ладно, заходи, — вздохнула Рина, пропуская несчастную девочку внутрь. — Что у тебя случилось?

— Почему все так происходит?

Жница еле сдержала порыв повернуть глаза вокруг своей оси и огреть Эмили по голове чем-то тяжелым. Если она в такой еретичный час разбудила ее только для того, чтобы задавать глупые вопросы...

— Почему в людях сейчас столько злобы, ненависти и желания обязательно что-то разрушить?

— Неверно. Люди всегда такими были и никогда не менялись, — зевнула жница, облокотившись плечом на стену. — Такими уж нас создал Хозяин.

— Но Хозяин ведь всемогущ! — Эмили вдруг подлетела к стене и с силой пятерней ударила по стеклу окна в ней. — Посмотрите! Посмотрите на это! Что вы видите?!

Рина от ее неожиданного перехода на крик рефлекторно дернулась и уже потянулась было за косой, но быстро себя одернула. Потребовалось еще пару секунд, чтобы окончательно проснуться и понять, о чем вообще ее спросили.

— Ночное небо... и столицу вдалеке.

— А мы находимся на глубине сорока метров внутри горы! Если сила Хозяина столь безгранична, что способна игнорировать даже законы природы, почему, почему он сделал людей такими слабыми и тщедушными?!

Наблюдая сейчас ее истерику, Рина вдруг поняла, что самым «поломанным» из случившегося вышел вовсе не Аверис. С ним, по сути, все хорошо – это было понятно с самого начала. Теперь действительно безграничная сила будет поддерживать его как физически, так и внутренне. Останется только полежать пару дней в безмятежной дремоте, и он, вероятно, даже не вспомнит о случившемся уже через пару месяцев. Но только не Эмили. Она пережила нападение, стала свидетелем того, как ее друг без колебаний обезглавил человека и бросил его бьющееся в смертельных конвульсиях тело к ее ногам. Осталась с этим один на один без малейшего понятия, что теперь делать с подобным разрушительным знанием. И более того, последние сорок восемь часов, кажется, вдребезги разбили ее еще совсем детское представление о мире.

— Не думаю, что он намеренно сделал нас такими, — спокойно изрекла Рина, устроившись на краю кровати. — Может, мы просто такими получились? Харан, например, хорош в очень многих вещах: начиная от расследований и заканчивая садоводством. Но знаешь чего он не умеет? Жарить блинчики. Никогда не мог, я все детство нос воротила от его сгоревшего теста. И самое удивительное, что в остальном он прекрасно готовит. Вполне возможно, мы все – такие же сгоревшие блинчики. Сила Хозяина действительно безгранична, но люди у него плохо получились. Только нас ведь в мусорку не выкинешь.

Эмили резко замолчала, словно всерьез задумалась над таким нелепым сравнением. Или поверить не могла в то, что ее временная наставница свела такую серьезную тему к элементам готовки. Что ж, какой вопрос – такой и ответ.

— Но даже если так, неужели нас нельзя исправить? Зачем продолжать наше... поломанное существование?

— Ты еще плохо понимаешь, о чем говоришь.

— Тогда может хотя бы вы мне объясните... Почему люди делают столько глупостей? Скрывают массовое убийство, пытаются убить жнецов, отрицают свою причастность и совсем ни о ком, кроме себя, не думают?

Рина хотела сказать, что подобные ответы должны приходить сами собой. С течением жизни, с опытом, с обретением ответственности. За границей какого-то рубежа они все действительно были, во всяком случае, в это хотелось верить. Хотя бы потому что жнецы, вроде Харана, имевшие честь предстать перед Хозяином лично, никогда ни о чем подобном не заикались. Она хотела всё это озвучить назидательным тоном и выставить наглую ученицу за дверь, чтобы не мешала заслуженно отдыхать. Хотела, но не смогла. Эмили выглядела так, словно от отказа от собственной косы и неизбежного забвения её отделял всего один шаг. И правда это или нет, Рина не хотела *еще один раз* становиться даже возможной тому причиной.

— Ты уже сама ответила: потому что люди глупые. Хозяин даровал населению Малого материка ружья, чтобы они от хищников защищались, а те взяли эти ружья и пошли убивать людей на Большом материке. А когда он попытался «исправить» людей, забрать у них злобу и ненависть и растворить их в первородном вулкане, тот обратился в Жерло бесов. И из-за этого половину Малого материка покрыли Смертельные льды. И это пример только исторический, известный всем. Представь, сколько подобных у каждого человека в голове.

— Но если... Если всё действительно настолько неизбежно, — тихо спросила Эмили, присев рядом с Риной, — зачем тогда жнецы вообще существуют? Разве не должны мы быть продолжением воли Хозяина и предотвращать ересь в людях?

— Ты запомнила фразу из Кодекса, но так и не поняла её смысла. Мы не можем полностью предотвратить ересь. К счастью или к сожалению, свободой воли люди наделены и сами принимают решение касаясь своей судьбы. Иначе мы бы все были рабами. Задача жнецов — служить напоминанием того, что Хозяин смотрит за всей Эридой, а не только за окрестностями собственного Замка, и надеяться, что это знание убережет людей от ереси.

— И как же тогда быть уверенными, что наше дело приносит пользу?

— Лишь Хозяин решает, какие знания и дары положены и не положены людям. Нас это тоже касается, и это знание нам, наверное, не нужно. Тебе не хватает того факта, что после появления жнецов в мире не случилось ни одной войны?

Эмили замолчала, и Рина не могла не заметить, как сразу после ее собственного вопроса, плечи у молодой жницы перестали дрожать. Лицо немного разгладилось, и теперь она выглядела скорее глубоко задумчивой, чем потерянной в собственной истерике. Неужели Рина, сама того не зная, дала ответ на так волнующий Эмили вопрос? Маленький лунный лучик упал на отблеском на ладонь Эмили, и Рина только сейчас заметила, что жница все это время сжимала в кулаке что-то похожее на медальон.

Когда Эмили снова подала голос, Рина уже почти успела задремать сидя – усталость и сонливость от, вероятно, трех часов сна никуда не делись.

— Простите, что я вас разбудила... Я... Я просто не знала, к кому еще пойти. Обычно что-то подобное я выливаю на Авериса...

— Сочувствую ему, — Рина широко и громко зевнула, краем глаза заметив, как Эмили еле заметно улыбнулась. — Все, что ты спрашиваешь, это нормально. Просто подобные вопросы обычно задают своему прямому наставнику и не... — она глянула на циферблат стоящих у кровати часов, — ... в четыре часа утра. Вот появятся у вас с Аверисом наставники опытные, я думаю, вообще все сомнения отпадут. У меня было так, во всяком случае.

— Спасибо, что поговорили со мной. Я... Я лучше пойду, не буду вам мешать отдыхать. — жница быстрым шагом направилась к двери, но в последний момент Рина успела ее окликнуть:

— Эмили. Сходи завтра к душеправу.

— Но я...

— Сходи, — с нажимом повторила Рина. — И расскажи все, что с тобой произошло. Я проверю потом, была ли ты там.

Эмили помялась пару секунд, словно хотела что-то возразить, но потом, не решившись видимо спорить, кивнула и тихо скрылась за дверью. Снова стало тихо, и Рина моментально свалилась обратно на мягкую манящую подушку.

— У тебя отлично получилось ее успокоить, — внезапно раздавшийся тихий голос Иши даже не напугал – удивил. — Это, конечно, твой выбор, но зря ты не хочешь идти в наставники...

С каких пор после прямого отказа от желания они предпринимали вторую попытку его вручить? Или наставнические наравоучения у нас теперь тоже за особые, достойные награды достижения считаются?

— Я все еще хочу спать... — пробормотала жница. — И если ты пришел, потому что желанием Харана было покапать мне на мозги с наставничеством, пожалуйста, дождись утра...

Едва слышный смех Иши раздался как будто из-под воды. Она уже засыпала и почувствовала только, как теплые руки куклы укрыли ее сползшим на пол одеялом.

— Спокойной ночи, Рина.